

Владимир Логинов

**Дороги
очарованных**

Владимир Логинов
Дороги очарованных

«Автор»

2026

Логинов В. И.

Дороги очарованных / В. И. Логинов — «Автор», 2026

В 12-м веке уже была дипломатическая служба у великих князей при Андрее Боголюбском. В данном произведении описывается приключенческий путь дипломатического посланника из Владимира Родия Урса.

© Логинов В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ПРОХОР РЯБОЙ, ВЕСЁЛЫЙ МЕЛЬНИК	6
Глава 2. ПОЮЩИЙ ДРАКОША ВАСИЛИЙ ГОРЫНЫЧ	16
Глава 3. ЗАГОВОР, ЗЛОДЕЙСТВО В БОГОЛЮБОВЕ	26
Глава 4. НАКАЗАНИЕ, КОТОРОЕ ПОТряСЛО МИР	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Логинов

Дороги очарованных

Часть первая: ВЕЛИКАЯ СИЛА ДУХА

История галопом мчится в будущее, стуча
золотыми подковами по черепам дураков.
А. Н. Толстой

Глава 1. ПРОХОР РЯБОЙ, ВЕСЁЛЫЙ МЕЛЬНИК

Июнь, или изок по-старому стилю, в средних широтах славянского мира великий Перун любит сопровождать шумными, короткими грозами. Почти чистое, синее небо с безмятежным блином жаркого солнца и редкими серо-белыми облаками, раскинулось над головами проплетавших покосников. Лёгкие эти облачка на спокойном небе, словно беспечные овечки разбрелись по широкому лугу, но вот на горизонте появляется тёмная полоска, на которую и внимания-то никто не обращает, но не успеешь травяного чая согреть в поле, на костерке, а уж над головой свинцовая туча тяжело нависает и первый гром, ещё пока не грозный, а так, ворчливый, но Перун предупреждает: решил подарок сделать селянам, воды пролить на поля с житом.

Да вот только мужички сельские, мелко крестя потную грудь, этому подарку не очень-то рады, даже наоборот, недовольно, но всё же с опаской поглядывая на брюхатую тучу, готовую вот-вот разродиться бурным, тёплым ливнем, тихо поматериваются, но всё ж униженно и подобострастно просят грозного языческого бога повременить с таким ненужным подарком, мол, сенокос ещё не закончили, по сути, ещё только начали и скошенную траву просушить надобно, а сухое сено в стога сметать ещё не успели.

Однако у Перуна свои планы и заботы мужичков деревенских его совсем не интересуют, ему важно напоить землю живительной влагой, чтобы всё вокруг бурно росло и развивалось, а на недовольных селян он сурово и оглушительно громы сверху шлёт, да с треском сверкающими молниями грозит, пугает. Мужички, втягивая голову в плечи, и, опасливо поглядывая на суровое небо, опять же мелко крестятся, к характеру языческого бога принаравливаются: стараются между грозами сухое сено в стога скорей собрать и тогда уж дождь, подарок перунов, поверху стога скатится, внутрь не проникнет.

А бывает и так: набежит туча, с виду тяжёлая, вроде бы дождём набитая, косари под телеги от ливня летнего, неминуемого прячутся, а грозный Перун, в свои пшеничные усы снисходительно посмеиваясь, погромыкает, погромыкает, несколько молний для остротки на землю пустит, а дождя, подарка своего, так и не даст. Просто Перун права на окружающую стихию младшему брату, богу ветров Стрибогу передаст, а тот и рад стараться, тучи грозные, тяжёлые на небушке в разные стороны возьмёт, да и разметает, раздует. Косари с удивлением вверх смотрят, а туча на глазах силу свою теряет, делится на части, да рваными космами по сторонам и разбегается. Меж серого рванья туч небо блюдцами синими, чистыми проглядывает, птицы в ближайших берёзовых колках голос свой звонкий подают, выглянувшее солнышко сияют. Мужички из-под телег своих вылазят, опять крестятся и приговаривают: «Слава ти, Господи! Пронесло на этот раз!».

В один из таких июньских, сенокосных дней косари заметили одинокого всадника, который медленно и как-то устало ехал на своём коне по просёлочной дороге. Видно было, что это матёрый воин: на нём кольчуга с тарелкой брони на груди, за спиной овальный щит, с широкого кожаного пояса свешивается грозный меч в зашёрканных ножнах, жёлтые сапоги с синими штанами завершали наряд служивого. По жаркому, летнему дню светло-стальной, начищенный шлем воина с войлочным подшоломником приторочен к седлу, тёмно-русые, густые пряди волос с головы всадника падают ему на плечи, короткая бородка и усы обрамляют совсем молодое лицо с прямым носом и синими глазами. С дорогого, кожаного седла свешивались перемётные, дорожные сумы с овсом для коня, съестными припасами и необходимой, походной мелочью для хозяина. Важную особенность заметили покосники: лоб и голову одинокого всадника охватывал тонкий, шириной в палец, золотой обруч, видно, непростой был воин.

Косари, кто был поближе к дороге, в пояс, уважительно поклонились всаднику, а он, не обращая внимания на покосников, опустив голову, смотрел куда-то в себя, видно было, что глубоко задумался о чём-то парень, а конь его, знай себе, привычно топает, перебирает ногами,

стучит подковами по мелким камешкам на пыльной дороге. Мужики, поправляя заточку своих кос камнем из железистого сланца, смотрят вслед всаднику и, молча, удивляются, почему один? Если гонец, то на нём должна быть шапка с ярким, красным султаном и обязательная охрана из трёх-пяти и более вооружённых всадников, а если великокняжеский посол так у него вооружённой свиты ещё больше, да ещё обоз, не одна пароконная бричка с подарками для нужных людей и походной поклажей.

Вот и странно покосникам, что этот один по дорогам мотается, а ведь известно, что дороги чаще всего добра одинокому путнику не сулят: мало ли кто, дерзкий, обидеть может, да и разбойнички на дорогах пошаливают, за торговыми караванами охотятся. И всё ж намётанный глаз косарей заметил главное: никто из злодеев дорожных на такого одиночку нападать не будет, потому как взять с него, кроме оружия, строевого коня и этого обруча, нечего, да и парень, видать, не промах, явно опытный воин и запросто справится с десятком неопытных в ратном деле грабителей, такого лучше не задирать и на пути у него поперёк не становиться, себе же хуже сделаешь – жизнь-то, она одна, а потерять её можно очень быстро, так уж лучше не испытывать лишней раз судьбу.

Парня, что так уверенно, по-хозяйски, вёл себя на дороге, звали Родий Урс и происходил он из знатного прусского рода, был спецпосланником, советником и стольником великого князя Андрея Боголюбского. Ехал он из далёкого и богатого Хорезма, с ночёвками в караван-сараях или просто возле костерка в степи уже около месяца. Вояж Родия был прост: обговорить ряд о взаимной торговле с властями Хорезма в городе Ургенче, получить охранные грамоты для купцов Владимиро-Суздальского княжества. И уж, конечно, ездил он в Хорезм не один, а с толмачом и торговым представителем князя Андрея, боярином Борисом Кучкой. Хотя и сам Родий неплохо владел тюркским языком, и можно бы обойтись без толмача, но с толмачом вес делегации выше, да и сопровождал миссию отряд из тридцати вооружённых всадников, молодых, но уже опытных воинов из дружины великого князя.

До конечного пункта, столицы Северо-Восточной Руси, города Владимира, оставалось не более двух-трёх дней пути и стольник князя, Родий Урс, отпустил дружинников из посольской свиты навестить своих родителей, помочь с покосом и заготовкой кормов для домашнего скота, с условием через неделю быть в стольном граде. Ну, а уж боярин Борис Кучка задержался в городе Муроме по каким-то своим делам. Отчитываться за командировку перед Боголюбским предстояло главе миссии Родию Урсу.

Родию было уже двадцать два года, но семьи своей он не имел, потому как жизнь свою посвятил воинскому ремеслу ещё с пятнадцати лет и в постоянных походах с князем и без него было не до создания семьи. В великокняжеской дружине Родий Урс был на особом положении: исполнял специальные, чаще тайные, поручения князя Андрея Боголюбского. Стольник великого князя Родий Урс вёл свою родословную от прибалтийского племени пруссов, и прадед его, Яромир Урс, был вождём племени пока не погиб в битве с войском германского герцога Генриха Медведя. И уже дед Родия, герцог Мирослав Урс, увёл остатки разгромленного германцами племени пруссов на восток, под надёжную защиту родственного племени кривичей. Ну, а уж чуть позже род Урсов перебрался ещё дальше на восток, на берега рек Оки и Клязьмы, к дружественному племени вятичей. Матерью отца Родия, Александра Урса, была Ольга из Смольни, а матерью самого Родия была Влада из Владимира, так что прусской крови у Родия оставалось совсем мало, хотя пруссы – это тоже славяне.

Ещё вчера Родий с малой дружиной перебрался на пароме через Оку в районе городишки Мурома, после чего он и распустил дружинников, а сам поехал в стольный Владимир один, намереваясь по дороге заехать к знакомому мельнику Прохору Рябому, да и отдохнуть у него на мельнице день-другой. Мельница Прохора располагалась на речке Судогжа возле одноимённого села и была единственной на всю округу вплоть до большой реки Клязьмы, куда речка через сорок вёрст и впадала.

Дорога, по которой топал его усталый конь, петляя меж полей и холмов, поросших соснами, березняком и мрачными елями, была основным торговым шляхом с юга и вела до самого Владимира, но до него ещё далеко, да и до мельницы, похоже, сегодня не добраться, придётся заночевать в поле. Для Родия дело это привычное, но для уртона и ночёвки место нужно выбрать верное, удобное, и обязательно с водой. И такое место вскоре нашлось, было оно уже давно облюбовано путниками: недалеко от дороги, возле небольшого ручья чернело два-три костровища, а рядом был густой лес с сухим хворостом у подножья берёз и сосен.

Солнце ещё жарким, красноватым блином в зелёном, вечернем небе на западе висело над тёмной гребёнкой елового леса, но Родий Урс решил остановиться именно здесь, возле ручья, потому как дальше за короткий вечер более удобного уртона скоро не сыщешь. Родий возле одного костровища остановился, коня разнуздал, седло с дорожными припасами с него снял и отпустил свою животину пощипать свежей травки возле ручья. Конь строевой и тоже, как и его хозяин, опытный, холодную воду из ручья, хоть и хотелось, сразу пить не стал, походил немного, остывая, травки, как бы примериваясь, пощипал, потом уж припал к чистой воде ручья.

Родий первым делом с себя кольчугу содрал, пояс с мечом снял сложил возле костровища, где развернул рулончик кошмы, на которой собирался сидеть, да ночь коротать. После чего пошёл и собрал в лесу огромную охапку сушняка, запалил костерок. Кроме меча у Родия был ещё большой боевой нож, по-скандинавски – скрамасакс, которым он вырубил два кола из растущей рядом верболозы, вбил их по краям костровища, срубил перекладину и навесил на неё котелок с водой из ручья. Пока вода грелась парень пошёл опять в лес нарвал там пучок брусничника и кинул в закипающую воду котелка, походный чай был готов. Родий подолом рубахи прихватил горячую дужку, снял котелок с перекладины и поставил в траву рядом остывать, не глотать же крутой кипяток.

Не торопясь, Родий вынул из перемётной сумы берестяную кружку, зачерпнул из котелка лесного чая, достал ковригу хлеба, взятую им ещё в Муроме, от ковриги отрезал скрамасаксом ровный кусок и сверху положил пластину сыра. Не спеша поедая свой скромный ужин, и, запивая его горячим чаем, стольник Родий Урс, тупо и устало глядел на пляшущие языки пламени в костерке. Он не заметил как в сгущающихся сумерках по другую сторону костра давно уже уселся некто и тоже молча смотрел на завораживающую игру косынок огня.

От созерцания костра первым очнулся этот некто и оказался горбатой старухой в серой хламиде на сухоньких плечиках. Серо-седые неряшливые космы с её головы спускались на плечи и были перехвачены по лбу и волосам красной лентой с вышитыми на ней белой ниткой руническими знаками. Длинный, острый нос бабки чуть ли не задевал острый подбородок, жёлтый, одинокий зуб, словно ржавый гвоздь торчал из рта, больше похожего на шрам из-за синих, плотно сжатых тонких губ. В свете пламени костра из-под седых, кустистых бровей морщинистого, жёлтого лица бабки на Родия пытливо смотрели на удивление абсолютно молодые, словно у девушки, синие глаза. И как ни странно эти девичьи глаза притягивали, очаровывали парня, и оторваться от них не было никаких сил, так бы и смотрел в них вечно. Старуха скрипуче заговорила и очарование спало, Родия отпустило, словно с плеч свалился тяжёлый тук поклажи:

— В основе всего сущего – огонь. Это его мельчайшие частицы, которые древние греки прозвали атомами, в бесконечных соединениях, тайна которых скрыта от нас, образуют весь видимый и невидимый мир. Человек, как и все предметы вокруг, тоже порождение огня. Скопления атомов огня неодинаковы для всех людей; они неодинаковы также и для всех частей тела: густота огненных частиц больше всего бывает в голове и груди. Недуги наши происходят от нарушения этих скоплений, потому что в теле человека присутствует ещё и вода, и подавленность духа есть результат борьбы огня и воды, которая тоже является особым состоянием огня, но состоянием довольно слабым.

— А я слышал, – заговорил в ответ Родий, что в основе всего сущего не только огонь, но и земля, и воздух.

— Ты имеешь в виду четыре мировые стихии, милоч? – тут же подхватила нить разговора незваная гостья. – Огонь, вода, земля и воздух? Но учти, огонь в основе всего, он главнее. Посмотри вверх, на небо, там звёзды, много звёзд, они состоят из огня. А солнце днём – оно же есть огонь, и луна тоже огонь, но слабый, то есть отражение огня.

— А я вот с детства, из сказок знаю, – заметил Родий, – что по вечерам к костерку, да к одинокому путнику всегда подсаживаются старые ведьмы.

— Да что я похожа на ведьму? – недовольно вскинулась старуха. – Я знаю, милоч, ты Родий Урс, из пруссов. Твоя жизнь для меня – открытый свиток с письменами.

— Ну вот, – усмехнулся Родий, – а говоришь не ведьма. Всё обо мне ведаешь, так кто ты, аще не ведьма?

— Ведаю, но не ведьма! – воспротивилась гостья. – Они злые, а я добрая, ты не бойся меня.

— А чего мне бояться тебя, Бабаня? – фыркнул Родий. – Коли, не ведьма, так ведь и не подруга же здешнего лешего.

— А откуда ты ведаешь, что меня в молоди Анной кликали? – улыбнулась и поинтересовалась старуха.

В это время над чёрной гребёнкой леса всплыла полная луна и залила своим призрачным, желтоватым светом всё вокруг.

— Да я так, случайно, – несколько растерялся Родий.

— Нет, милоч, это не случайно, – назидательно заскрипела старуха и глаза её загадочно сверкнули в лунном свете. – В мире этом всё происходит по канонам природы, стало быть тот, кто сидит в тебе, zelo прозорлив и знает много больше, чем ты сам мыслишь.

Родий слушал и, пялясь в прекрасные глаза скорей девушки, чем старухи, не переставал удивляться, как в старом, дряхлом теле оказались эти молодые глаза? Ведь получается, что в теле этой старой колоды заключена совершенно молодая душа, а это уже страшно.

— Да ты не страшись, Урс! – заговорила, вдруг, бабка молодым, красивым голосом, мгновенно уловив его мысль.

— Тако как не пугаться-то, Бабаня? – заговорил Родий. – У тебя ж глаза молодой девушки, а так ведь в жизни не бывает.

— Я на это тебе отвечу так, Родий Урс, – строго заговорила бабка опять своим скрипучим голосом. – Знания, они беспредельны и даже целый народ не в состоянии узнать всего за многие века, и уж точно не могут знать народы всего мира, что представляет собой великая Вселенная. Потому и говорю тебе, Родий Урс, что в основе всего огонь! Без огня нет жизни! Учти, именно огонь порождает мысль!

Родий поторопился протянуть старухе ломоть хлеба с сыром и кружку с горячим чаем. Хлеб бабка отвела в сторону своей сухонькой, коричневой рукой, а вот кружку с горячим напитком приняла. Отпив глоток-второй приятного, лесного напитка, бабка приветливо улыбнулась и произнесла:

— Добрый ты и честный, среди воинов такими свойствами характера обладают только герои, которых славят и любит народ. Я давно подыскиваю на этой дороге молодого, доброго воина и вот нашла, ты, Родий Урс, мне по нраву пришёлся и я дам тебе одну вещь, обладатель которой никого и ничего бояться не будет.

— А ведь бояться, Бабаня, всё ж кое-чего нужно, – воспротивился Родий. – Опаска, сама по себе здоровая осторожность, помогает принять воину, да и любому человеку, верное решение.

— Ты не по годам мудр, Родий Урс! – подвела черту старуха. – И, стало быть, я не ошиблась в своём выборе.

Она допила чай, отдала кружку парню и, вдруг в правой руке старухи оказался меч в потёртых, кожаных ножнах. Бабка протянула оружие Родию и он машинально взял его.

— Вот дарю тебе оружие, которому нет равных, парень! – торжественным голосом произнесла старуха. Теперь никто не сможет одолеть тебя в бою, ибо моя рука будет всегда выше.

Родий на четверть длины выдвинул лезвие меча из ножен и сверкнувшая голубым цветом сталь грозного оружия очаровала парня.

— Теперь два меча будет у меня, – бездумно бросил Родий.

— Свой прежний меч отдай кому-нибудь, – посоветовала бабка. – Подари другу. Тебе хватит моего, говорю же – это непростой меч, он разрубит железо любой толщины, а при взгляде на него враги твои и соперники ужаснутся, потеряют силу духа и обратятся в бегство, сколько бы их не было. И украсть его не смогут, потому как вор поднять его, сдвинуть с места, не сподобится. Всё понял, внучек?

— Чем же я отблагодарю тебя баба Аня? – растерялся Родий.

— Ты уже отблагодарил, внучек, – произнесла бабка, – тем, что поделился со мной своим хлебом.

— Да ты ж его есть не стала.

— Важно желание твоё, предложение от сердца, порыв души, внучек! – с чувством произнесла бабка. – Это дорогого стоит, милый. Прощай! Ты ещё молод и у тебя впереди много дорог, и остановишься ты только на той дороге, где встретишь девушку, которая придёт к тебе по сердцу. Смотри, будет нужда, вспомни обо мне, всегда приду на помощь...

Родий зачарованно смотрел как тело старухи медленно растаяло в лунном свете и последнее, что запомнилось – это прекрасные девичьи глаза, которые забыть он уже не сможет никогда...

*****

Очарованный Родий, следуя многолетней привычке, улёгся на своей походной кошме, подсунул под голову седло, положил рядом подаренный меч, накрылся своим же корзно и попытался заснуть, но вечерние, такие удивительные события, не давали покоя. Старухины речи не выходили из головы, но вот всплыли перед взором Родию прекрасные, девичьи глаза, которые на бабкином старом лице, пожалуй, смотрелись какими-то чужими, инородными жемчужинами, и глаза эти, улыбочивые, завораживающие, усыпили парня.

Спал Родий крепко и очнулся от сна только потому, что рядом громко фыркнул его конь. Парень открыл глаза и увидел над собой чистое, жемчужно-розовое, утреннее небо: корзно, которым он укрывался было слегка влажным от выпавшей росы, что предвещало погожий, жаркий день. С восточной стороны, где простирался седой от росы луг, над синеющей кромкой далёкого горизонта в палевой дымке сияло розовое блюдо давно взошедшего солнца. С опушки леса за ручьём, оповещая соперников, что это её территория, вдруг, звонко зацвиркала зарянка, ей из глубины леса глухо отвечала другая.

Парень понял, что проспал, времени уже много и надо бы поторопиться. Рядом с Родиём возле правой руки лежал подаренный вчерашней старухой боевой меч в потёртых ножнах. Родий сел на кошме, ласково погладил ножны с оружием пальцами и только теперь заметил, что в навершие рукояти меча, словно чей-то глаз, вправлен голубой сапфир, и глаз этот, вдруг, возьми, да и подмигни парню.

Родий улыбнулся в ответ, бодро вскочил с походного ложа, отпил из котелка добрый глоток вчерашнего чая и остатки вылил на давно потухший костёр. Собрав свои пожитки в перемётную суму, он сунул туда же и рулончик кошмы, на которой спал, в неё он завернул и свой старый меч. Ещё раз Родий любовно погладил подаренное оружие, прицепил его к своему поясу, взнуздal и оседлал коня, спокойно, всё вспоминая вчерашнюю встречу со странной бабкой, сел в седло и, не спеша, поехал по наезженной дороге через лес на северо-запад.

Только уже после победы Родий добрался до речки, которую местные жители прозвали Судогжей, также как и село возле неё, и речка эта, петляя по густым лесам и ромашковым полянам, впадала через сорок с небольшим вёрст в реку Клязьму, где уже на противоположном берегу раскинулся красивый, стольный город Владимир. Родий остановился возле речки передохнуть ноги размять, коня Верного напоил, навесил ему на морду торбу с овсом и пока животное его хрумкала зерном, сам сел на бережку и тоже слегка перекусил всё тем же хлебом с сыром.

Родий знал, что дорога теперь будет идти всё время вдоль речки и там впереди, на другой стороне реки, должна быть деревенька по имени речки тоже Судогжа, а на этой, восточной стороне будет мельница Прохора, где и намеревался отдохнуть Родий. Дорога эта через деревянный мост вела в село и дальше раздваивалась: одна вела на север к Клязьме и городу Владимиру, а другая шла на запад к городкам Москве и Дмитрову. На мельницу парень рассчитывал попасть к вечеру.

*****

Поздно вечером, в сумерках, когда все уже спали, на хозяйственный двор мельницы Прохора Рябого тихой и незаметной тенью явился некто. Сам хозяин мельницы как навозный жук всё ещё возился в своём большом хозяйстве. Створ плотины он обычно закрывал с заходом солнца, памятуя о том, что батюшка водяной должен отдыхать и нечего воду зря трудить, не то хозяин воды осерчает и плотину мельничную может разворотить, колесо поломать. Хоть и набожный человек Прохор Рябой, а водяного уважал, побаивался его, да и языческому богу Велесу на специальную полочку в конюшне и курятнике по горсточке пшеницы подсыпал ежевечерне, не замечая чёрных мышинных экскрементов. Благодарные мыши за ночь зерно пшеничное, дармовое съедали, а богобоязненный Прохор считал, что это Велес угостился и душа мельника наполнялась покоем за здоровье скотины и птицы.

Хозяйство у Прохора, как и у большинства вятичей, огромное – это и лошадь с двумя коровами, и овцы со свиньями, и гуси с курами, а для женщин огород с капустой, огурцами и всякой огородной мелочью, да ещё десяток колод с пчёлами тут же. Хорошо ещё, что Прохор не пахал землю и не растил хлеб, а то бы и не справился с такой прорвой сельских работ. И это несмотря на выросших уже помощников: четырёх сыновей и трёх дочек с невесткою.

Ну, да пахать землю и растить жито Прохору, имея мельницу, ни к чему. Он брал в качестве платы за помол зерна один мешок муки с двадцати мешков пшеницы, а жито везли к нему на широкий двор круглый год, даже в посты. Но бывало зимой, в сильные морозы, проточную воду в плотине, где колесо, прихватывало льдом, так что приходилось ждать оттепели, да сыновьям ломачами расколачивать лёд, освобождать речную воду. Но всё же остановки такие были редкостью и Прохор считал себя в чём-то виноватым перед хозяином воды водяным.

Давно уж повелось, что Прохор не только угощал зерном скотьего бога Велеса, но в первую очередь он делал регулярные подношения основному своему благодетелю – водяному: мельник щедро, полной горстью кидал в реку жито, но не вечером, а рано утром, ещё до восхода солнца, перед подъёмом створа плотины, да ещё в определённом месте. За многие годы после постройки мельницы Прохор высыпал в реку столько ржи и пшеницы, что, пожалуй, хватило бы калачей и ковриг из того жита всей его многочисленной семье на целый год.

Правда и рыба, привыкшая к постоянному, дармовому прикорму, водилась в этом месте в таком изобилии, что невестка Настя, жена старшего сына, заняла прочное место на сельском рынке, торгуя горячими рыбными пирогами с утра до победы. Рыбу сыновья мельника и солили в бочках, и коптили, и сушили, да и рыба была не какая-то там плотва или чебак, такой рыбой брезговали, брали только стерлядь, жерева и судака, а щука, сом, сазан и голавль за второй сорт шли. Вот потому Прохор был твёрдо убеждён, что рыба и мука – это дар батюшки водяного, ему, Прохору, заботливому хозяину, а, стало быть, духа здешней воды надо непременно всячески ублажать, что он с прилежанием и делал.

В большом доме мельника, намаявшись за хлопотливый и длинный, летний день, все давно уже спали и только хозяйка Варвара, подмешивала квашню в низких кадочках для утренних пирогов, большая часть которых пойдёт на продажу. Рыба для утренних пирогов, очищенная, выпотрошенная и подсолённая лежала в отдельном, деревянном корытце, прикрытом сверху от мух холстинкой.

Вот в это позднее, сумрачно-вечернее время бесшумно и всплыл на дворе из пустоты, ниоткуда, некто. Прохор, только что вышедший из коровника, перекрестился, увидев в сумерках тень не то человека, не то самого Велеса. Как известно многие славянские христиане, крестьяне и скороговоркой читая молитвы, не забывали и языческую веру своих прадедов. Она, эта древняя вера, сидела у них где-то глубоко, в селезёнке, в генной памяти, – вот и сейчас по древнему покону Прохор машинально пробормотал языческую защиту, чур меня, в голове пронеслась мысль – почему дворовой пёс Полкан, учуяв чужого, не взгавкнул? Такое положение мельника сразу насторожило, изменившимся голосом Прохор, нащупав на поясе рукоятку ножа, несмело спросил:

— Ты кто? Хрестьянин, аль вурдалак?

Серая фигура в ночи шевельнулась и насмешливо отозвалась:

— Что не признал меня, Прохор? Это ж я, Родий!

У мельника на душе отлегло и он уже ворчливо, по-хозяйски и даже добродушно, но всё же, почему-то, оглядываясь по сторонам, приглушённо проворчал:

— Чего бродишь по ночам-то нечистый дух?! Добры люди дрыхнут ужо, седьмые сны глядят, а он шастает по дворам быдто тать ночной.

— Тако ночь-то, Прохор, кого хошь застанет в дороге, – оправдывался припозднившийся гость.

— Уж не пешком ли ты? Иде ж конь-то твой?

— Да тут, недалеко к огородному пряслу твоему привязан.

— Давай, веди его сюда, Родя, в мою конюшню поставим твоего Верного, овса зададим, вода вот в колоде скотской. А у меня вот козёл Яшка пропал, домой не пришёл вместе с овцами, он ведь вожак в овечьем стаде, заблудился где-то гад, видать, с чертями погулять захотел, он ведь сам с чёртом-то зело схож, такой же чёрный, рогатый и бородатый.

Родий ушёл и вскоре вернулся, ведя под уздцы своего коня, который, вступив во двор, при свете взошедшей луны тут же и припал к колоде с водой. Родий с животины снял перемётную суму и седло, которые и положил на телегу, что одиноко стояла возле колоды с водой. Напившегося коня мельник увёл в конюшню, а, вернувшись, застал ночного гостя разлёгшегося на телеге.

— Погодь, Родя! – засуетился мельник. – Айда в избу! Тамо и поужинаешь и спать тебя уложу.

— Нет, Прохор! – отчеканил гость, приподнимаясь. – Я здесь, на телеге, на вольном воздухе посплю, вот токмо седло под голову приспособлю. Устал, брат, путь неблизкий.

— Я те сейчас пирога рыбного сюды принесу, – озаботился мельник.

— Да не беспокойся, Прохор! – устало ответил гость.

— Тебя откуль черти-то несут, Родя? – поинтересовался мельник.

— Издалёка, брат! Ажник из самого Хорезма! – пояснил гость. – Иди, спи! Дай мне покою!

Мельник тихо ушёл. Летняя ночь, как известно, коротка. Утром, едва занялся рассвет, на небе, посветлевшем и порозовевшем, погасли последние звёзды, зато на восточной стороне небесного, звёздного полога пурпурным цветом разгоралась роскошная красавица-заря, обещающая ветреный день. Гостя, безмятежно спавшего на телеге, разбудил своим приходом хозяин подворья. Родий поднялся, но с телеги не слез, а, свесив ноги, глухо спросил:

— Ты вроде как и не спал, а, Прохор? Шастал, небось, по двору вместо своего Полкана всю ночь, хозяйство своё стерёг?

Вместо ответа мельник подал гостю деревянный ковш с холодным квасом.

— Испей вот, гостюшко, – предложил он.

Родий выпил, крикнул и произнёс хриплым голосом:

— Ну и ядрён же у тебя квасок, Прохор!

— На меду и на бруснике настоян! – довольным голосом похвалился мельник. – Варвара, хозяйка моя, мастерица на все руки. Всё может, многое умеет и дочерей с невесткой ум-разуму учит, яко хозяйство домашнее блюсти. Айда к реке, Родя, буркала там свои сполоснёшь холодной водичкой, да и морды тамо у меня поставлены, проверить надобно. Рыбы должно быть невпроворот, тако ушицы спозарань сварганим. Я вот для улова и зипун свой старый прихватил...

*****

На берегу реки оба приятеля присели на давно лежащее здесь брёвнышко, ожидая пока туман над речной гладью хоть немного рассеется, поднимется, поредет. Утренняя туманная обстановка с медленно текущей водой в реке располагает к размышлениям, к философскому созерцанию. Мельник Прохор, по заведённой издавна привычке, кинул в воду горсть пшеницы и оба заворожённо уставились в плотную вату тумана и тихую воду. Вот из молочной пустоты медленно, будто нехотя, вылезла какая-то коряга, еле ползущая по течению. На серой массе коряги виднелось что-то неопределённое. Из-за разной плотности туманных пластов над поверхностью реки Прохору привиделось, что это, неопределённо-плывущее, будто бы как-то шевельнулось и... мельника, вдруг, обуял страх. Он ухватил Родия за плечо и изменившимся голосом заблеял:

— Зри, зри, стольник! Хузяин мой плывёт! Голый! Весь в тине! Глянь, шапка на ём из куги свита и пояс из энтой же водной травы! Чур меня, чур! Осподи, царица небесна, спаси и сохрани меня грешного, возьми под крыла своя! Неужто хузяин по мою душу приплыл?

В голове у перепуганного мельника всё перепуталось: перед помутневшим взором промелькнула бородатая физиономия криво усмехающегося, языческого бога Велеса, всплыла, почему-то, рожа запропавшего с вечера козла Яшки, строго выпучились на него лики святых угодников, виденных им накануне в сельской церкви. Прохор повалился на колени и стал истово кланяться проплывавшему мимо странному видению. Родий равнодушно и даже насмешливо наблюдал за поведением мельника, искоса переводя взгляд на плывущую в тумане корягу с большим сучком, на который намотался внушительный пучок речной осоки. Коряга растаяла в бело-сером сумраке, а Родий вяло обронил:

— Одуреешь ты, Прохор, тут в своём хозяйстве! Видать, совсем не спал ночь-то – вот тебе и мерещится чёрт-те что, всякая хрень.

Мельник повернул к Родию своё растерянное, побелевшее лицо, с непонимающими, рыбьими глазами. Заплетающимся языком пролепетал:

— Зато тебя зело трудно напужать, нехристь! Ты, я гляжу, моему хузяину сродник!

— Эт пошто я нехристь-то? – возразил Родий.

— Сам же говорил, что в церковь сходить некогда, всё походы, да разъезды.

На это невольное замечание мельника, Родий, всегда готовый к полемике, тем более в вопросах веры, ответил Прохору своеобразно:

— Что ж ты, ярый христианин, а, обращаясь к Богоматери, вспомнил и приплёл к своей молитве древнего, языческого бога Чура, призвал его в свои защитники, понеже именно он отгоняет от человека нечистую силу.

— Мыслю, Родя, – остывая, произнёс мельник, – то хузяин мне знак подаёт. Я ему, сердешному, яко нищему на церковной паперти по горсти пшеницы подаю, да и то токмо раз в сутки, по утрам, – вот он и осерчал. А ведь то он мне богатство щедрой рукой даёт!

— А ты что не знал, что Христос богатых не жалует? – заметил Родий.

— Тако ведь и нищету Спаситель мира не одобряет! – отпарировал мельник. – А что, Родя, аще я хузяину мешок отборной пшеницы высыплю, да барана цельного пожалую? А?

— Ты погодь баранов-то в реке топить, Прохор.

— А, что? Для моего хузяина ничего не жалко!

Родий не успел ответить мельнику, потому что в это время повернул голову вправо, от неожиданности у него отвисла челюсть и что-то оборвалось внутри. Из куста верболозы, что раскинулся рядом, в белесой туманной дымке на него в упор смотрела чёрная, бородатая рожа с рогами. Смотрела и тупо молчала. Родий тряской рукой нащупал плечо мельника и в страхе только и смог произнести:

— Вурдалак!!

Мельник тоже машинально повернул голову и... чуть, от обуявшего его ужаса, не скатился с берега в реку, увидев страшную рожу. Но у него тут же в мозгу что-то щёлкнуло, будто включилось сознание, а чёрная рожа в это время взревнула густым, знакомым басом:

— Ме-э-э!!

— Да то ж Яшка! – почти радостно и одновременно негодуяюще возопил мельник. – У-у-у, скотина бородатая, нечистый дух! Шастал ночь-от по кустам, да чертополохам, сволочь рогатая! Господи, прости мою душу! Напужал ведь до смерти, гад, последыш чёртов! Дай, я тебя обниму, любезный ты мой!

Это действительно оказался обычный козёл из мельникова стада. Весь в репьях, Яшка, узнав своего хозяина по сварливому голосу, а может быть по обличью, вылез из кустов верболозы и просяще уставился на хозяина своими коричневыми глазищами в надежде получить от него чёрствую корку хлеба с солью.

— Иде ж я тебе корку-то здесь возьму, козья твоя морда? – радовался чему-то хозяин.

А рад он был быстрому переходу к реальности, и мир этот оказался для Прохора таким простым, милым и домашним. Родий тоже быстро очнулся и деланно, чтобы как-то скрыть свой испуг, а нечистой силы бояться даже очень смелые воины, засуетился, вскочил с брёвнышка и бодро заговорил:

— Ну, давай морды-то доставать, Прохор! Небось, в твои плетёнки стерлядок здешних набилось полно. Пора давно уху варить, а мы здесь всё ещё прохлаждаемся.

Через какой-то час, на большом мельничном дворе, когда уже поредевший утренний туман от взошедшего на востоке солнышка окрасился в розовые и жёлтые цвета, Родий, беспечно сидя всё на той же телеге, с аппетитом хлебал наваристую уху с зелёным луком. Мерно стучали жернова на мельнице – это Прохор открыл створ плотины. Проснувшиеся сыновья мельника таскали из житного амбара мешки с пшеницей, а обратно мешки с мукой. Сам Прохор сидел рядом с Родиём на телеге, свесив ноги и о чём-то упорно думал. Родий съел среднего размера стерлядку и, вытерев усы принесённым полотенцем, заговорил:

— Ты кому ноне подати-то платишь, Прохор?

— Ну, яко кому? – очнулся от дум Прохор. – Ясно кому, князю Андрею! Токмо вот подати собирает с нас не то шурин княжеский, не то ключник, Анбал Ясин, да уж шибко жаден энтот ключник князя Боголюбского. Так и норовит три шкуры с селянина содрать, да ежли б в казну великого князя тако оно бы ещё понятно, князь Андрей ныне великую стройку затеял, каменные церкви везде ставит, а то, сам ведаешь, средства нужны немалые. Но я те скажу, Родя, что энтот Анбал Ясин, казначей князя Андрея не о казне великокняжеской печётся, а всё больше о своей мошне заботу великую имеет. Боголюбский его из грязи вынул, приблизил, в стольники возвёл, в казначей определил, а он ведь яко был дерьмом, тако им и остался. Людито его гнилую натуру насквозь видят, да только ему на людей наплевать, люди для него, что солома под ногами. Гляди, тако завтра к победью точно притащится со своими гриднями по моим клуням шариться.

Родий поднял руку, пресекая словоизлияния мельника:

— Хватит, Прохор! То свои дурни, а вот яко половцы нагрянут, аль ещё кто чужой к тебе зайвится? Оне ведь с тобой валандаться не будут: тебе сразу секир-башка, сыновей с девками – в полон, скотину тоже угонят, а хозяйство твоё на дым пустят. Что на это скажешь?

Прохор на землю злобно плюнул, спохватившись, тут же перекрестился, но ответить что-то надо:

— Плевать мне на их, Родя! – с ожесточением заговорил мельник. – Мы тут живём в междуречье: на юге – Ока, на севере – Клязьма, кругом леса непроходимые, поля для жита с трудом превеликим у лесов отвоёвываем, сколь старики помнят сюды николи степняки не приходили. Неудобно им: Оку надо пересечь, леса пройти, нет для них дороги в наши края. Степняки, коли сюды придут, то первым делом вон в селе застрянут, а я за это время мост-от подожгу, у меня под ним с этой стороны сушняка цельный воз подложен. Да я с семейством своим, покуда степняки село грабят, в лес уйду, у меня тамо с десяток схронов с житом припасено, с голодухи не пропадём.

— Тхе! – скептически усмехнулся Родий. – Мыши с лисами давно уж твой хлеб съели.

— Подавятся! – тут же возразил мельник. – Мои сыновья тех лис всех повыволовили на шубы девкам, а противу мышей тех средство верное я применил. Два мешка пшеничной муки я на торге во Владимире уплатил одному бесерменскому торговцу за чашку красной муки. Перцем та мука прозывается! Едуча зараза донельзя! Я энтим перцем все свои схроны обсыпал, тако в округе той, лесной не токмо мыши – ежи, зенки свои выпучив, сбежали. Сам зрел! Ей бо! Кабаны и те перестали под дубы тамошни ходить, желудями лакомиться! Веришь ли? Голодный ведмедь вон по весне в один схрон, было, сунулся, да видать перец-то ему в нос попал, тако энтот ведмедь таким матом меня обложил, что ажник коровы в хлеву и те на дыбы встали! Аще б ты токмо слышал, Родя, яко он, скотина лесная, меня материл, по-своему, по-зверски. Не приведи Господь услышать, Родя! Рёвом своим, обиженным всю остатнюю живность в лесу распугал, до того ему мой перец не по нраву пришёлся. Во Владимире, чай, слышали его обиду! Пришлось моим огольцам его на рогатины взять. Окороков, пусть хоша и тощих, накопили. Опять же, Родя, я его ведь не звал в мои схроны соваться...

— Хитёр ты, брате! – развеселился Родий.

— А яко же, Родя?! – сделал вывод мельник. – Жизнь, она брат, многому научит, даже полного дурака в люди выведет, иной раз извернёшься всяко, ужом наизнанку вывернешься, аще захочешь в энтот мире уцелеть. Токмо вот не ведаю, яко от злыдня Анбала Ясина отвязаться. Ведь энтот гад меня по миру пустит, её бо!

Родий, почему-то, представил как местные лесные жители пробовали мельниково перечное угощение, развеселился, но всё же, спрыгнув с телеги, сообщил хозяину:

— Ладно, Прохор! Схожу я в село, ненадолго. Думаю, от проклятого Анбала Ясина я тебе помогу избавиться. Ну, а ты уж своему хузяину жито в реку мешками-то не кидай, ни к чему это...

Глава 2. ПОЮЩИЙ ДРАКОША ВАСИЛИЙ ГОРЫНЫЧ

Родий пошёл в село пешком и, подойдя к мосту, специально заглянул под береговую опору, там он действительно увидел огромную кучу сушняка. От дождя и снега эту кучу хвоста защищал широкий, в две телеги, настил моста, так что угроза мельника, в случае нападения врага, поджечь мост была абсолютно реальной. Родий усмехнулся про себя и зашагал по мосту к селу, там в сырном конце проживало многочисленное семейство сыроделов Барсуков, занимавших своими подворьями добрую половину улицы.

Хозяйственные Барсуки сообща держали большое стадо молочных коров и славились на всю округу маслом, а, главное, превосходными сырами. Проезжавшие через село из стольного Владимира торговцы с севера и запада, первым делом запасались в дороге вкусными сырами именно у Барсуков. Дядья, племянники, внуки – все занимались сырным, прибыльным ремеслом. Для этого они специально засевали свои покосы отборным клевером и держали большое поле под фураж, коров своих кормили от пуза – знали гибкие Барсуки, что весь доход их от приятной и ласковой животины.

Вот в этот конец и направился Родий, Барсуков он знал, потому как, направляясь с княжескими поручениями на юг или восток, тоже заправлялся сырами в дорогу именно у них. Но сейчас ему нужен был другой человек на этой улице. Жила там с незапамятных времён бабка Барсучиха, основательница рода, которая прослыла на всю Судогжу тем, что умела заговаривать зубную боль и широко, основательно занималась зубным врачеванием.

Обычно с раннего утра к её неказистому домишке выстраивалась немалая очередь с живыми гусями, курами и утками в корзинках, с яйцами в плетёных лукошках, с караваем свежеиспечённого хлеба, с живой рыбой в плетёнках с крапивой, – это всё была плата и подношение за добрую бабкину услугу.

Клиентуру бабки Барсучихи, людей разных по возрасту и полу, объединяла одна физическая особенность: все они с утра пораньше уныло сидели на завалинке бабкиного дома с перекошенными и опухшими мордами. Бабка же, давно занимаясь лекарским делом, не только заговаривала зубную боль, но и ловко умела удалить больной зуб, который уже и лечить бесполезно. Для удаления больного зуба, и вообще ковыряния в зубах, бабка использовала особые инструменты, которые ей сделал местный кузнец Иван Криворучка по её объяснению.

Лекарка видом своим больше смахивала на бабу-Ягу: во-первых, и прежде всего, из-за горба, во-вторых, из-за торчащего через синюю губу жёлтого зуба и крючковатого носа, который мимо провалившегося рта так и тянулся к острому, выступающему вперёд, подбородку. Но вот несмотря на живописную внешность, характер у бабки Барсучихи был весёлый, она с жизнерадостными прибаутками могла развеселить кого угодно, больной только от её весёлого нрава уже становился бодрей и здоровей. Кстати, и имя-то у этой весёлой лекарки было Ядвига.

В качестве анестезии и антисептики старая лекарка пользовалась какой-то жуткой смесью из прополиса на меду с добавлением нескольких капель дёгтя и настоя вербены, которую в народе называли чёртовой травой, якобы, за её способность отпугивать нечистую силу. Ну, да что бы там народ не говорил, старая лекарка точно знала, что алкалоиды вербены уничтожали любые виды бактерий и обладала великим свойством мгновенно сворачивать кровь. Барсучиха заготавливала чудодейственную траву только в конце серпня, потому как в этом, последнем месяце лета трава и накапливала свою убедительную силу, да и многие клиенты-мученики тоже это знали и после бабкиного лечения у них изо рта двое суток пахло тележной мазью.

С Барсучихой Родия познакомил ещё в прошлом году Прохор и всё по причине заболевшего зуба у парня. Вылечить зуб надо было срочно, потому как Родий ехал со свитой к

половецкому хану Кирке. Бабка тогда со своими железками в рот к Родию не лезла, а просто скороговоркой произнесла какие-то магические слова над кружкой с простой водой и подала выпить её. Родий уже тогда удивился, что зубную боль как рукой сняло. Мельник Прохор тогда за бабкину работу выгрузил ей целый мешок муки. Барсучиха тогда, конечно, отказывалась, мол, работа простая, кружки кваса не стоит, но мельник даже и разговаривать не стал, выгрузил мешок муки, а ты как хочешь.

Когда Родий заявился на подворье лекарки, облегчённые после бабкиного лечения сельские клиенты, оставив своеобразную плату в виде всякой мелкой живности, уже разошлись по домам. Сама Ядвига занималась тем, что у себя во дворе кормила подаренных ей за работу кур и гусей какой-то злаковой смесью.

— Здрава будь, баба Ядвига! – бодро и любезно приветствовал лекарку Родий. – Бог те в помочь!

Бабка живо обернулась, на сморщенном лице её, больше напоминающем кору старого дуба, появилось некое подобие улыбки. Она поставила лукошко с зерном на лежащее возле плетёного забора бревно в обхват толщиной и перекрестила гостя, чем удивила Родию, который был наслышан, что лекарка была язычницей. А между тем, бабка проявила отличную память:

— А, это ты, Родий Урс! – воскликнула она, приветливо улыбнувшись. – Проходи, милоч, гостем будешь.

— Надо же, узнала! – брякнул парень.

— А чего не узнать, Родя! Я ещё из ума не выжила и на память не жалуясь. Пошли в дом, чай пить с пирогом брусничным. Тамо и обскажешь с чем пришёл.

Родий перечить не стал, дело у него щекотливое, спешить нельзя, можно и посидеть с бабкой, почаёвничать. В избе у старой хозяйки было чисто, все необходимые в быту предметы находились на своих местах, пахло выпечкой и дорогим, китайским чаем. Возле маленького окошечка, застеклённого мутным ганзейским стеклом, расположился столик, застланный белой скатёрочкой, где на плоском деревянном блюде лежал свежее испечённый пирог, на углу стола стоял бронзовый кумган с горячим чаем, возле которого, словно цыплята возле курицы, пристроились с пяток берестяных кружек.

Родий присел на предложенную хозяйкой скамеечку возле стола, и его охватило приятное ощущение законченности своего похода в дальнее зарубежье – вот сделал важное дело и наконец приехал домой. Это ощущение было сродни такой же важной деятельности сельского жителя, когда он за короткое весеннее время успел вспахать свое поле, засеять его житом, а к вечеру, усталый вернулся в дом и окунулся в уютную домашнюю атмосферу с чувством хорошо проделанной работы.

Ядвига, между тем, ловко разрезав ножичком вкусно пахнущий пирог, налила гостю чай в одну из берестяных кружек, не забыв и себя. Родий с удовольствием съел кусок пирога, запивая его настоящим китайским чаем. И тут, приглядевшись к хозяйке, которая сидела напротив, Родий заметил, что глаза у бабки не красные, слезливые от старости, а наоборот, молодые, смеющиеся, красивые. Почему-то показалось парню, что подобные глаза он уже видел и совсем недавно, у бабки Анны, которая ему подарила знатный меч. «Чудеса, да и только, – подумалось Родию».

— С чем пришёл-то, Родя? – спросила, вдруг, лекарка, хитро сузив смеющийся глаз. – Чую ведь, не с зубами больными пришёл.

Родий не стал тянуть и выложил бабке проблему мельника с жадным Анбалом Ясином, который бессовестно, намного сверх меры, обирал Прохора. Ядвига же, усвоив суть сказанного гостем, растянула свой рот в ядовитой усмешке и Родий понял, что этому княжескому сборщику налогов придётся пережить нечто весьма неприятное...

*****

Утром следующего дня, когда ещё плотный туман стелился над рекой и окружающими село окрестностями, налоговый тиун Анбал Ясин, прихватив с собой пятёрку охранников и пустую телегу с конём, отправился вымогать с мельника законные с виду подати. «Ништо! – думал Анбал. – Мельник не оскудеет, зажиле шибко, у него одних колод с пчёлами три десятка, небось на меду прокормится, а корову надо с его двора свести, да поросят с пяток взять, да муки, да сала, да мало ли чего у него там».

Проехав мост, всадники с телегой уже хотели повернуть налево к мельнице, но не тут-то было: на пыльной дороге, серой, нахохлившейся вороной, раскорячилась какая-то горбатая старуха с клюкой. Анбал, будучи грубияном с рождения, резко осадил своего коня и, злобно выматерившись, заорал:

— Чего раскорячилась? Чего дорогу загородила, старая колода?! А ну сгинь, нечистая сила, не то плетью так огрею, что сидеть тебе больше уже не придётся! Не посмотрю, карга трухлявая, на твою убогость!

Старуха, тряхнув своими лохмотьями цвета дорожной пыли, задорно и весело взглянула на грозного дурака Анбала, на парней, хитро улыбнулась ртом, который больше походил на безобразный шрам с единственным зубом, торчащим из него наподобие ржавого гвоздя и громко-бодро, словно ворона, прокаркала:

— Ехайте, ехайте, голубчики! Дорог много, ехать вам, не переехать путём долгим, дальним, неизвестным! Пусть ветер попутный всегда свистит у вас за спиной!

С этими словами старуха отступила в сторону и растаяла в утреннем тумане. Почему-то никто из шестерых не обратил внимания, что туман изменил цвет: из молочно-белого он, вдруг, стал каким-то жёлтым. Анбал же, двинув своего коня по дороге, злобно разразился гневной тирадой:

— Чтоб те свалиться где-нибудь в канаву, скотина облезлая! До чего ж рожа мерзка, да погана! Ей, ей, приснится така рожа, тако ведь с кровати свалишься! Надо же, шастают тута по дорогам всяки ведьмы, да уж шибко страхолюдны! Шла бы в церковь, кочерыжка корявая, грехи замаливать! Небось накопила, падла старая, столько, что все святые угодники не спасут её пакостную душу!

Вот зря Анбал так грязно выругался. Как раз подобную ругань и надо было Барсучихе, а это именно она и была на дороге. Если бы Анбал вежливо попросил старого человека посторониться, уступить дорогу, то колдовство не состоялось бы. Только Барсучиха отлично знала, что такие люди как Анбал Ясин по-другому себя вести и разговаривать с людьми не умеют, да и не захотят.

Всадники, с гроыхающей сзади по дорожным колдобинам пустой телегой, двинулись дальше и никто не заметил, что дорога эта ведёт далеко на юго-восток к городу Мурому. Летнее солнышко и дневной ветерок вскоре разогнали последние ленты тумана, на чистом, синем небе ни одного облачка, жара усилилась, а вдоль пыльной дороги медленно и монотонно проплывали колки берёзовых лесов с пиками мрачно-зелёных елей, ещё не выкошенные ромашковые поляны, чередовались с возделанными полями поспевающей пшеницы или ржи.

Очарованные всадники молча ехали от одного поворота дороги до другого и конца этим поворотам не виделось. Вот уж и победье давно минуло, а тиуну Анбалу с охранниками так никто из путников почему-то и не встретился. Монотонное движение навалило на всадников какую-то дремоту, всё также глухо цокали копыта коней, всё также сзади равнодушно гроыхивала по дорожным колдобинам пустая телега. Путникам казалось, что это нескончаемое движение длится уже целую вечность, с самого рождения и почему-то постоянно в спину дул ветер. Вдруг, помощник тиуна Симеон Хват, потеряв терпение, возопил:

— Испить бы, пожрать бы! А, Анбал!?

— А куды нас черти-то несут, Симеон? – очнулся от монотонного движения тиун.

От такого вполне закономерного вопроса помощник аж подскочил в седле и, вытаращив глаза, взвился:

— Яко эт куды!? Я думал, что ты знаешь! Во Владимир что ль едем? Аль в Муром, аль ещё куды? Ты бы хоша сказал накануне, я б хлеба с салом прихватил, а то прёмся куды-то к чертям собачьим не жрамши, не пимши и не...

Анбал резко осадил своего коня и, злобно плюнув на пыльную дорогу, выплеснул всё своё раздражение на помощника:

— То твоя вина, Симеон! Ты нас на эту дорогу толкнул! К кому хоша едем-то, скажи?

Помощник от такой неправды оторопел и, запинаясь, стал оправдываться:

— Да откуль мне ведать-то?! Ты же нам всем глава! Очнись Анбал! Мы ж твоё решенье исполняем!

Тиун совсем запутался и раздражённо рявкнул:

— Тьфу, нечиста сила! То ведь демоны дорожны мне бошку задурили! Поворачивай обратно!

Проехав обратно несколько вёрст, Анбал остановил коня в недоумении: дорога раздвоилась, чего никак не могло быть. Тиун мог поклясться чем угодно, но путь здесь всегда был один.

— Да что это за чертовщина така?! А, Симеон? – возопил тиун. – Откуль тут втора дорога?

— А вот ещё дорога, – показал плетью в сторону помощник. – Только замуравлена, видно мало по ней ездют.

До почти полной темноты мотались по разным дорогам тиун Анбал Ясин с охранниками, как, вдруг, перед ними, совершенно неожиданно, открылся мост и путь в село. В дом, где тиун со своими людьми остановился, приехали уже совсем в потёмках. Хозяин, увидев при лунном свете хмурые лица своих временных постояльцев, а ещё пустую телегу, понял, что у тиуна день оказался неудачным, но спрашивать ни о чём не стал. Постояльцы же до того устали, что сразу завалились спать.

Через день Анбал Ясин опять вспомнил про мельника, поехал с помощниками к нему, но стоило только ему миновать мост как дорога вводила его в неизвестность. Люди с пустой телегой опять мотались целый день по каким-то пыльным дорогам, кони артачились, хотели пить, да и люди тоже мучились от жажды и голодные не могли понять чего они на этих дорогах делают. Тиун Анбал недоумевал, как он тут оказался. В село возвращались затемно и, почему-то, никто не обратил внимания на то обстоятельство, что в какую бы сторону они не повернули на этих дорогах, в спину их постоянно толкал языческий бог ветров Стрибог.

Раза два или три вспоминал тиун Анбал Ясин про мельника, со своими молодцами он бодро ехал через мост, а там опять, почему-то, забывал свернуть налево, далеко уходя по центральной дороге, где она опять раздваивалась, люди путались, чертыхались и матерились, что нечистой силе и надо было. В конце концов великокняжеский тиун Анбал Ясин посчитал место за мостом проклятым, заколдованным, да и почти за две недели он подати по округе собрал немалые, целый обоз из двух десятков телег, а потому и убрался во Владимир, даже и не вспомнив больше о проклятом мельнике.

*****

Родий, после свидания с лекаркой Барсучихой, посещения сельского, богатого рынка и бесед с местными жителями, вернулся на подворье Прохора уже к вечеру. Поужинав рыбными пирогами, Родий забрался на сеновал и заснул сном младенца, но разбудил его утром не дворовой петух, который ещё спозаранку начал горланить, а чьё-то удивительное пение, которое отличалось тем, что не имело слов и с очень высоких нот, вдруг, падало до самых низких, басовых. Кто-то странный играл своим горлом так ловко и красиво, что петух в курятнике пресекал своё пение и раздражённо кудахтал, а невидимый и неизвестный конкурент раздражался довольным хохотом.

Родий, послушав соревнование певцов, спрыгнул с сеновала, умылся из бочки, стоящей возле конюшни, и, вышедшему из дома Прохору тут же и задал вопрос:

— Кто это у тебя здесь так красно горланит?

Прохор по привычке коротко поклонился Родию и тут же охотно выложил:

— Да то Василий Горыныч горланит, Родя! Он, егда проголодается всегда начинает песни заводить, а кормлю я его раз в неделю свежей рыбой.

— Это ещё что за Василий Горыныч такой, Прохор? – последовал вполне закономерный вопрос гостя.

— Да дракоша! Он ещё молодой, всего-то год ему. Пошли, посмотришь, может, даже забереешь его во Владимир, князю Андрею в подарок. Мне-то он ни к чему, какой мне от него прибыток? Хоша и жалко расставаться.

— Дракоша! Хм, интересно, – произнёс Родий, удивляясь. – С чего бы это он именно у тебя завёлся? Откуда взялся?

— Да ты не поверишь! До смешного ведь...

— А ты расскажи, вместе и посмеёмся, – предложил Родий.

— Смешного тут мало, – начал свой рассказ Прохор. – В прошлом годе, вот в это же примерно время, я зашёл в курятник, гусыня там на выводке сидела. Я ей зерна в кормушку насыпал, она из гнезда вылезла, а я смотрю из десятка яиц одно в два раза больше остальных, да какое-то оно голубое. Что, думаю, за подарок? Неужто гусыня снесла, тако не похоже, всю ведь задницу порвёт, ну оставил, кто ж ведаёт, может, то чудо от Велеса. Через неделю гусята уж появились, а этот чертёнок только через неделю выпарился, я утром вот также зашёл, смотрю гусыня возле гнезда стоит и на этого дракошку смотрит этак удивлённо, удивлённо. Ну я его забрал, да в лукошко, да в малую стайку и отсадил. Кормил его варёными, куриными яйцами, а потом – рыбкой. Пока маленький был кормил каждый день, а посла – раз в неделю, ему больше не надо, он сам мне об этом сказал.

— Что значит сам сказал? – удивился Родий. – Ты что языку нашему его обучал?

— Сам обучился! – сообщил мельник. – Говорит, вы тут по двору цельный день ходите, болтаете почём зря, через дверь всю вашу болтовню слышно, да и люди с зерном приезжают, тоже разговаривают на разные лады обо всём – вот, мол, и научился. Шибко разумная скотинка, иди, смотри, он уж с корову вырос, не знаю, чего с ним делать, к какому делу приставить?

С этими словами мельник подвёл гостя к небольшому пристрою у коровника, открыл дверь и оттуда высунулась почти лошадиная голова, да тут же и заговорила:

— Слушай, отец! Надоела мне твоя сырая рыба! Ты её лучше свари, Варёная, да с пахучими травами, так она вкуснее, я это учуял, когда вы для себя эту рыбу готовите. Я ведь и так тебя не обременяю, всего раз в неделю обедаю.

— Ладно, Василий, сварю, коли надобно, – пробурчал мельник.

Голова скосила глаз на Родию и заговорила опять:

— Слушай, солдатик! Забери меня отсюда! Я те пригожусь, а то отец не знает куда меня приспособить, а мне тут в стайке сидеть надоело, да и вырос я, крылья расправить надо, полетать мир посмотреть. Я бы эту стайку давно разворотил, да урона отцу своему не хотел причинять. Я знаю ты часто по свету мотаешься – вот вместе и будем службу нести.

— А что!?! – всколыхнулся мельник. – И забирай, Родя, моего выкормыша! Василий тебе добрым помощником будет. А то ведь про меня уж слухи по селу пошли, якобы, я с нечистой силой знаюсь, мол, прикормил какого-то китовраса, боюсь, этот Василий мне всю клиентуру распугает, по миру ведь пойду вместе с семейством своим. Ты уж прости, Василий!

— А почему бы не взять? И возьму! – решил Родий. – Собирайся, Василий, вот позавтракаем и отправимся. Рыбы тебе варёной отец наготовит.

— А чего мне! – сразу обрадовался дракон. – Нищему собраться – только подпоясаться! Вы же сами так говорите. Ха-ха-ха!

— Это он к тому, Родя, – пояснил мельник, что я ему ремень на пояс изладил, широкий в две ладони, с петлями, хотел на нём мешки с мукой перетаскивать, да сыновья мои рассоветовали, мол, мужики увидят его, совсем перестанут к нам жито на помол возить.

— А куды им деваться, мужикам этим? Да здесь на десятки вёрст ни одной боле мельницы нет, – пояснил Василий. – Ближайшая мельница только в самом Владимире, – это сорок пять вёрст, да ещё в городе Муроме есть мельница, так до него все семьдесят вёрст.

— Ладно, я пойду, скажу Варваре, чтобы всю рыбу, какая осталась сварила, что не съедите, то с собой возьмёте, – сказал мельник и чуть ли не бегом кинулся в дом.

Во дворе кроме Родия и, высовывающегося из дверей стайки дракона Василия, никого не было. Сыновья Прохора толпились в мельничном цехе, дочери занимались прополкой сорняков в огороде, а невестка мельника, Настя, как обычно с утра, торговала на сельском рынке горячими пирогами.

— Слушай, Василий! – заговорил Родий. – А чем я тебя кормить-то буду? Я вон коня Верного овсом кормлю, да и то, когда спешить куда-либо надо, а так он травой, да сеном питается. Мне самому лепёшки с куском сыра хватает, а ты ж вон какой здоровенный, такого прокормить – ого-го!

— Да я тебе обузой не буду, Родий Урс! – ответил дракон. – Сваришь мне один раз в неделю ведро овсянки, я и доволен буду.

— А чего это один раз в неделю-то? Для тебя такой громадины этого явно мало, как-то не вяжется.

— Да у меня метаболизм замедлен!

— А что это такое?

— Ну, это у медиков, у лекарей ваших, так обмен веществ в организме называется, – пояснил чересчур грамотный дракон. – Вот ты пищу принял, она у тебя в организме должна переработаться, питательные вещества поступят с кровью в органы, которые через гормоны дадут клеткам, ипохондриям, энергию, кровь же и заберёт отходы переработки, шлаки и токсины, ну и выведет их из организма.

— Погодь, погодь! Где это ты таких знаний нахватался, Василий? – удивился Родий. – Ишь, до чего ж мудрёно заговорил. Здесь, на мельничном дворе, так не говорят.

— Да я, сидя в этой конуре, чтоб не скучать путешествовал по разным временам, – вот недавно в будущем из любопытства, в двадцать первом веке побывал, лекарей, медиков, там наслушался, в головах их заодно поширился.

— Э-э-э! Ты меня не роняй, Василий! – осторожно произнёс Родий. – Как это ты по временам шастаешь? В головах вот умеешь шариться, чужие мысли читаешь. И как на тебя, такого заметного, люди там смотрели, хоша бы и там, в будущих временах.

— Да я в голубя могу обратиться, никто и внимания не обратил.

— Ты ещё и это умеешь?! Ну, брат, ты меня точно уронишь!

— Так ведь мы, драконы из другого измерения, и в этот мир я попал чисто случайно, кто-то подшутил, да меня в яйцо ещё в ваше измерение и сунул. Ты уж не падай, Родий! Вот потому я и сказал прямо, что пригожусь тебе.

— Интересно! – воскликнул Родий. – Как это ты узнал, что с того свету прибыл, коли ты в яйцо сидел?

— Так первоначальные знания мне кто-то могущественный уже вложил, можно сказать, ещё до рождения, – пояснил дракон.

Мельник принёс деревянную бадью с варёной рыбой.

— Вот тебе угощенье, Василий! – заявил он. – Ты уж не забывай меня, отца своего, навещай хоша, помни, что всё же я тебя маленького выпестовал. А ты, Родя, иди ешь пироги, что Варвара моя напекла с утра. Пирогов много, Настя на базар не могла все унести, так что сколько-то с собой в дорогу возьмёшь, дракошу вот кормить будешь, да и сам.

Через час конь Верный с хозяином Родиём в седле уже галопом нёсся по наезженной дороге во Владимир, а высоко в синем, летнем небе, если бы кто взглянул, маячил дракон Василий, похожий на какого-нибудь кондора, хотя у того крылья в размахе куда больше...

*****

Солнце, раскалённой за жаркий день красной сковородкой, в жёлто-палевом мареве, повисло над почерневшей гребёнкой леса за рекой Клязьмой. Большое стадо коров и овец входило в город Владимир через большие ворота, с мычанием и бляением растекалось по улицам, где свою скотину встречали хозяйки. В безветренном, вечернем воздухе густо запахло навозом, молоком, овечьей шерстью и дымом печек, где расторопные горожанки готовили своим возвращавшимся с ближних покосов мужьям и старшим сыновьям ужин. Люди в городе, в основном, заканчивали работы и только где-то всё ещё звонко стучал молоток кузнеца, который, видимо, торопился довести до ума свою железную задумку.

Родий, в городские ворота вместе с покосниками и скотом заезжать не стал, а проехал мимо и сразу в Боголюбово. На плечо ему уселся голубь, это был дракон Василий, который тут же и заговорил:

— Я тебе в голову не лезу, Родий, всё-таки ты теперь мой новый хозяин, но скажи, куда направляешься?

— Я те не хозяин, Василий, а ты мне не слуга! – ответил Родий. – Ты мне друг, мы с тобой друзья, запомни это, и ты волен покинуть меня в любое время.

— Ну, друзья так не поступают и покидать тебя я не собираюсь.

— Я еду в резиденцию великого князя, Василий! – пояснил Родий. – Надо же отчёт князю Андрею о моём вояже в Хорезм сделать, то моя обязанность. В покоях князя и заночую, а ты уж, голубь, пристраивайся где-нибудь на чердаке или на подоконнике.

— Добро, договорились! – согласился Василий.

Княжеские гридни, увидев и узнав Родия, немедленно доложили князю, что прибыл стольник Родий Урс. Боголюбский тут же велел позвать важного посланника к себе, гридни коня Верного увели в конюшню, а самого Родия проводили в палаты князя. Боголюбский сидел за столом в одной хлопчатой рубахе и предавался вечернему чаепитию. Жёлто-оранжевые, солнечные лучи через цветные ганзейские стёклышки двух окон разноцветными снопами проникали в светлицу и калейдоскопом цветных узоров разлеглись на чисто выскобленных досках пола. Увидев вошедшего Родия, князь выпроводил из палаты прислуживавшего за столом гридня и кивнул кланяющемуся стольнику на скамью, что была возле стола напротив.

— Бери пирог с грибами, Родий, или вон с сушёной смородиной, наливай себе чай сам. Нам с тобой один на один поговорить надо, без свидетелей.

Родий уселся на скамью, от пирогов отказался, сославшись на то, что недавно ужинал по дороге. Он налил себе в китайскую пиалу чая из кумгана и, сделав глоток-другой, поторопился сообщить:

— В Хорезм съездили не зря, княже, ряд торговый с властями тамошними утрясли, охранные грамоты получили, теперь пусть торговцы наши едут в Ургенч спокойно, никто не задержит, препятствий чинить не будет, охрану власти тамошние обещались поставить, товар будет в сохранности. А кроме того, нам любезно разрешено строить свои склады в городе и в других городах государства Хорезм. Тебе поклон от хорезмшаха и вот письмо.

Родий из внушительного кожаного кошелька на поясе вынул небольшой пергаментный свиток со свинцовой печатью шаха Хорезма на красном шёлковом шнурке и подал князю.

— Да я уж по твоему довольному виду догадался, что поездка в Хорезм удалась, – заметил Боголюбский, принимая свиток от своего стольника по особым поручениям. – Ладно, потом прочитаю, ты же знаешь, что я тюркским языком владею, меня, ещё отрока, матушка Юлдуз в крещении Анна языку обучала. Пока ты в отлучке, в Хорезме пребывал, мне при-

везли послание от друга юности, императора германского Фридриха Барбароссы и послание от императора византийского Мануила I Комнина. Ведаешь правителей этих?

— Да ведаю, княже, – подтвердил Родий. – А ещё ведаю, что врагов у тебя много. Давай разом их, хоша и не всех, возьмём, да в темницу, да дознание учиним.

— А-а, не стоит, Родий! Старый я стал, мне ведь уже шестьдесят три лета, сам видишь, года немалые.

— Беспечный ты, княже! – возразил Родий. – Воровству потакаешь, братьям жены своей, Улиты, доверяешь, а они вместе с ключником твоим Анбалом Ясином, да Якимом, да Петром Кучкой со Стырятьой, гадам ползучим, за спиной твоей втихаря заговоры плетут.

Только один Родий Урс, будучи стольником и доверенным лицом мог так дерзко высказать своё нелицеприятное мнение Боголюбскому. Князь слабо махнул рукой, отмечая сказанное:

— Ты-то, Родя, откуда ведаешь про воровство сие в отлучке постоянно пребывая?

— А вот ведаю! Люди верные у меня здесь имеются, – пояснил Родий. – Ты бы хоша поостерёгся, времена наступили какие-то мутные.

— А, ерунда! Я и дружину отправил в летние лагеря вместе с воеводой Твердиславом. Пушай игрища воинские в чистом поле проводят, опыта набираются от ветеранов, от воинов матёрых, а то у них молодёжи много набрано, иже в боях настоящих ещё не бывавших.

— Верни дружину в город, княже, – коротко бросил Родий.

— То, что ты за меня переживаешь, благодарствуй, Родя, – заговорил князь, токмо учти парень, сама Богородица распростёрла крыла своя над моей головушкой. Ещё двадцать лет назад, егда я послушался отца своего, великого князя Юрия Владимировича Долгорукого и уехал сюды, во Владимир, свершил я тогда ещё одно деяние, может, и непорядочное для Вышеградского женского монастыря, но доброе для Ростово-Суздальских земель и города Владимира, понеже тот, в результате деяния моего, стал городом стольным.

— Да что там произошло-то, прости княже! – нетерпеливо воскликнул Родий.

— Не спеши, парень! – спокойно заметил Боголюбский. – Не скачи, яко блоха на шелудивой собаке. Всему своё время. Слушай дале: отец тогда ещё отдал мне Вышеград в кормление и управление, я имел тамо свою дружину, и выступал в походы воински уже яко князь Вышеградской земли. Но вот надоели мне все эти драки отца за киевский престол, задумал я уйти в Ростовскую землю и для этого осмелился забрать из женского монастыря в Вышеграде почитаемую всеми икону Божьей матери, написанную самим Лукой, ближайшим учеником Христа. Я склонил на свою сторону священника Николая и дьякона Нестора, монастырских служителей, забрал с собой не токмо икону, но и иерархов этих, кои сами согласны были ехать в Ростовскую землю. Поначалу я задумал передать икону в Ростовскую епархию, да уже возле самого града Владимира долбануло мне в голову, что здесь, во Владимире, икона должна обрести своё постоянное место, да и конь мой в это время споткнулся, то знак мне был свыше, – вот и осталась икона Богоматери в Успенском соборе, во Владимире. Дошло до тебя?

— Дошло, княже, – быстро согласился Родий. – Всё спросить тебя хочу, почему отца твоего Долгоруким прозвали?

Князь пытливо взглянул на Родия, отпил глоток чая из своей пиалы и пояснил:

— Да тут видишь яко дело, Родя, – заговорил он размеренно, – отец мой, досточтимый Юрий Владимирович, по примеру отца своего и моего деда Владимира Всеволодовича Мономаха, стремился всю жизнь собрать все русские земли в единый кулак, да и двинуть тем кулаком по врагам нашим так, дабы не могли они даже думать лезть на наши земли. И мне отец завещал земли русские собирать воедино, ну, да яко видишь князь окрестные упираются, не хотят под мою руку идти. Я ведь потому из Владимиро-Суздальской земли всех родственников повыгнал, дабы не делили хоша бы это княжество, не дробили, не растаскивали по частям.

— Врагов ты себе нажил, княже, немеряно, – заговорил Родий. – Вот боярина Степана Кучку, отца жены своей Улиты, отец твой повесил.

— Шибко строптив был, – мрачно бросил Боголюбский.

— Во-от, а Кучковичи остались: сыновья его, родня. Тогда уж всех надо под топор, весь род.

— Молод ты ещё учить меня, Родион! – заметил князь строго.

— Да не учу я, а пытаюсь обрисовать положение в землях русских. Не собрать тебе эти земли под единую руку, слишком много самостийников развелось.

— Эт почему же? – возразил, улынувшись, Боголюбский. – Дурак женится – умному дорогу кажет! Вон императоры ромейские примером служат, сколь земель и народов у подножья стола византийского? Не счесть! А что же Русь хуже? Мы ведь ещё не забыли, яко князь Олег Вещий всю Русь в единый кулак собрал. А князь Владимир Красно Солнышко? Да и сын его, Ярослав Хромой! Вот только зря он посла земли разделил меж сыновьями своими. Нельзя этого делать было! Единовластие должно быть, вся власть в кулаке у старшего сына, и все братья без каких-либо уделов должны служить старшему и всё тут. А то ведь потомки князя Ярослава Хромого от дурости своей придумали это дурацкое Лествичное право, которое и раздробило все русские земли. Бери нас теперь голыми руками. Вот и пытаюсь я, Родя, по примеру отца Юрия и деда Владимира Мономаха собрать земли русские под едину руку, но не мечом, а крестом веры Православной.

— Не получится, княже, у тебя ничего, дробление и междоусобье будет продолжаться.

— Тако что же делать, Родя? – насторожённо произнёс Боголюбский.

— Для этого, княже, – жёстко заговорил Родий, – ты уж прости за прямоту, тебе придётся всю Русь утопить в крови. По примеру степняков, где старший брат убивает своих младших братьев, чтобы никто не мог кроме него занять ханский стол, тебе надо вырезать все древние боярские роды, разгромить все окрестные княжества и князей, родственников своих, повесить всех до единого. Земля русская содрогнётся от свирепости такой и проклянет тебя навеки, но зато Русь будет в одной руке.

Боголюбский от такой перспективы, нарисованной Родиём, помрачнел, строго на своего друга посмотрел.

— Я на это злодейство не сподоблюсь, Родя! – решительно заявил князь. – Пожалуй, то не моя дорога! Ладно, Родя, хватит о том! Богу виднее что с нами поделать, яко поступить, Богородица нам защита, на неё уповаю. У меня к тебе дело важное, понеже без свидетелей, как видишь, и обхожусь. Я тебе уже упоминал о посланиях правителей германского и ромейского. Сам видишь, считаются со мной управители земель соседних. Тако вот надобно ответить.

Боголюбский на своей скамейке повернулся, вынул из сундучка, стоящего в углу, свиток с печатью на шнурке и кожаный кисет, где глухо звякнули деньги, всё это он подал Родию.

— Вот написал письмо византийскому императору, Родя, – тихо произнёс князь, – писал сам, писаря не привлекал к этому делу, я ведь греческим языком, хоша и худенько, но владею. Давай, Родя, отдохни денька два-три, да и отправляйся, милый, к ромеям, в Константинополь, к императору ихнему, Мануилу I Комнину. Ну, а уж посла свезёшь письмо моё германскому императору Барбароссе.

— Тако чего тянуть, княже? – встрепенулся Родий. – У меня своей семьи нету, детьми не обременён, чего отдыхать? Я от отдыха, от безделья, только больше устаю, завтра же и отправлюсь.

— Слушай, Родя! – встрепенулся Боголюбский. – А чего это ты не женишься? Чего тянешь? Годы-то бегут, что у нас девки на Руси перевелись? Ты парень знатного рода, из прусских князей, тебе по роду княжна положена. Выбирай вон из моих племянниц любую, а нет, тако бери мою младшую дочь в жёны, Ростиславу.

— Да нет, княже, – сказал и поднял ладонь Родий. – Я по любви хочу.

— Что, никто не приглянулся?

— Пока никто! – отрезал Родий.

— Ну, брат, яко ж без семьи-то? Скотина лесная и то норovit семью яку ни то создать, а мы всё ж человеки.

— Тебя отец, князь Юрий Долгорукий, вспомни-ка, на Улите Кучке поздно женил, в тридцать семь лет. А перед тем её отца, боярина Степана Кучку, повесил. Нельзя было женить – это оскорбление на весь род Кучковичей.

— Ладно, забудь о том! – оборвал князь. – Не заметишь вот, Родя, яко состареешь, хоша это у девки двадцать лет – век, а муж крепкий и до седых волос всё парень и жених завидный, особливо у кого земля. А у тебя ведь клин земли агромадный, родителям твоим помнится ещё отец мой, князь Юрий, земли за Нерлю-рекой пожаловал. Небось, в пусе земля-то, бурьяном, чертополохом заросла, коли, хозяин семьи не заводит, по свету мотается?

— Да нет, арендаторы обрабатывают, – сообщил Родий. – Плату за землю мне ежегодную дают справно.

Боголюбский несколько осуждающе сверкнул глазами на своего молодого друга. В оранжевых лучах заходящего солнца, что плотным световым снопом через ганзейские стёклышки окна проникли в светлицу, охватили стол с пирогами и князя с левой стороны, пожелтив ему седеющую бороду и усилили тени глазниц. Он двумя перстами ткнул в кисет с деньгами и продолжил наставлять:

— Здесь сто золотых византиев, Родя! Деньга ромейска, это на подарки лизоблюдам императорским, посмотришь тамо кому, да чего я тебя учу, ты ведь уже не в первый раз в Царьград едешь, порядки ихние ведаешь.

Боголюбский вынул из сундучка ещё один кошель и положил рядом с первым.

— А здесь серебро, милиариссии ромейски, то тебе на прожитие и коню твоему. Дружинников с десятков возьми, их тоже кормить надо.

— Дружинники мне не нужны, княже, – отказался Родий.

— Яко ж без охраны-то?

— Мне одному гораздо легче, княже, куда угодно проехать! – отрубил Родий. С дружинниками мне обременительно, а любому вражине, хоша с десятков их буди, я отпор дам достойный, не беспокойся. – Ну, а тюркским и греческим языками, ты знаешь, я владею не хуже любого толмача.

— Ну, ин ладно, так тому и быть, – согласился Боголюбский. – Иди вон в боковую светлицу, отсыпайся, а завтра посла заутрени в нашей церкви и отправляйся...

Глава 3. ЗАГОВОР, ЗЛОДЕЙСТВО В БОГОЛЮБОВЕ

К вечеру следующего дня, Родий на своём коне Верном сумел отмахать не менее полу-сотни вёрст; дракон Василий сопровождал своего друга и хозяина, пролетая сизым голубем высоко вверх в чистом, безоблачном небе. Родий, поглядывая на заходящее солнце, начал уже подыскивать место для ночлега, но без воды ни ночлега, ни отдыха толком не получится, а родника и, как обычно, костровищ возле него всё не попадалось. Но вот в голове у Родия прозвучал голос Василия: «Ближайший родник впереди, до него, примерно, две версты будет, но там глухой лес».

Действительно, проехав ещё две версты, дорога вошла в мощный, лесной массив, в котором рогатым, ветвистым соснам в два обхвата было явно за двести лет, а мрачные ели между ними достигали в высоту двадцати пяти саженей (56 м.). Родник оказался почти рядом с дорогой, он образовался в яме из-под корней упавшей при буреломе сосны, наполнил яму и упрямым ручьём пробил себе дорогу куда-то в чащу леса. За сотню лет, что люди проложили дорогу через этот лес, возле родника образовалась уютная поляна, на которой мог расположиться небольшой караван из десятка повозок с лошадьми и люди с двумя, а то и тремя кострами.

Родий остановил коня возле одного старого костровища, сквозь угли которого уже пророс вездесущий осот. Освободив коня от походной амуниции, и, пустив его пощипать лесной травки, Родий быстро собрал охапку соснового сушняка и запалил костёр. Возле него тут же уселся некто в серой хламиде с башлыком на голове.

— Я тут посижу возле твоего костра малость, – коряво заговорил он.

Родий не успел ответить, потому как в это время сверху с шумом опустился к костру уже не голубь, а дракон Василий, чуть не придавив этого с хламиде, и он, поспешно поднявшись, бросил:

— Не, я лучше там, в чащобе посижу, тут у вас тесно!

— Это ещё кто такой? – заметил дракон, посмотрев в сторону уходившего некто.

— Да обыкновенный, лесной житель, лешак по-нашему! – насмешливо бросил Родий, забивая булыжником стойки для перекладины над костром.

— Ты что хотел в его обществе чай пить?

— Нет! Чай я буду пить с тобой! Я же знал, что леший тебя испугается и уйдёт.

— Насколько мне известно нечистая сила никого не боится, – заметил дракон, усаживаясь поудобнее.

— Ну, ты же сам убедился, что леший тебя узрел и поскорей убрался.

— Это потому что я не захотел его рядом с собой видеть.

— Хорошо, Василий! Есть хочешь, а то могу сварить тебе овсянки, котелок у меня большой.

— Я ж только позавчера почитаю ведро варёной рыбы съел, ещё там, у мельника. Ты что забыл – я заправляюсь пищей только один раз в неделю. Вот чай попью с удовольствием.

Родий положил перекладину на вбитые колья, подвесил котелок с родниковой водой над жаром костра и, устроившись на своей кошме, задал, давно мучивший его, вопрос дракону:

— Слушай, Василий, – вот ты сказывал давеча, что в будущих временах побывал, ажник в двадцать первом, якобы, веке? А как там люди живут, наши потомки?

— Да по-разному Родий! – как-то неохотно заговорил дракон. – Убийств много, мне это непривычно. Убивают люди друг друга прям-таки по-зверски, целыми косяками, никого не щадят, ни малого, ни старого, ни женщин, ни калек. Целые народы лишаются будущего по своей дурости.

— Да-а, плохо это! – заметил Родий, подкладывая сосновый сучок в костёр. – В нашем времени гораздо легче: ратоборства, конечно, случаются, сам участвовал, но зверств всяких у нас не допускают, греха боятся.

— Ага, не допускают! Как же! Вот недавний случай: князь Боголюбский священника Феодора, которого патриарх Константинопольский, Лука Хрисоверг, не утвердил в качестве архиепископа Ростовского и прислал своего Леона, после чего Феодора князь Андрей послал в Киев, чтобы его рукоположили в епископы, в городе Владимире, так иерархи киевские бедному Феодору отрезали язык, чтобы проповеди верующим больше не читал, и правую руку отрубили, чтобы креститься бедолага больше не мог, – это что, нормально? Христиане, православные, своего же единоверца инвалидом сделали!!

— Ненормально, Василий! Особенно от иерархов церковных! – согласился Родий. – А скажи-ка мне, Василий, как это ты превращаешься в голубя?

— Да я и сам не знаю каким образом идёт это превращение, Родий! – не думая, сообщил дракон. – Это знание сидит у меня в генах, где-то внутри, превращение происходит по моему желанию, мой мозг даёт команду всему организму мгновенно перестроиться. Кстати, я могу обратиться в сову, в ворона, в волка, даже размером с добрую лошадь, могу обратиться в бабочку и муравья.

— Но ты ещё умеешь и мысленно подсказывать! – добавил Родий. – это хорошо! В таком качестве ты мне понадобишься на переговорах с высокими властными лицами в Константинополе.

— Да ради всех святых, Родион! – воскликнул Василий. – Я ж тебе говорил, что пригожусь! Чем могу! Чем могу лично! Понимаешь в моём родном измерении люди и животные могут многое, но делают это очень осторожно, чтобы не задеть и не нарушить интересы другого лица, то-есть практически не делают ничего.

— Ты же родился в нашем мире! – возразил Родий. – В хлеву у мельника Прохора Рябого.

— Правильно! Выпарила меня гусыня мельника, но зачали-то меня и снесли яйцо в другом мире, – пояснил Василий.

— Ну, брат, почитай в двух мирах отметился! – рассмеялся Родий, снимая с перекладки котелок с закипающей водой.

Поставив котелок в сторону, Родий сыпанул в него щепоть китайского чая и прикрыл горячую посудину своим войлочным подшеломником.

— Мне в вашем мире вольготно, Родий, – рассуждал между тем Василий. – Я в вашем измерении могу делать всё, что захочу, а в родном мире, что-либо сделать, так надо разрешение запрашивать, да расчёты делать. Там ведь самая важная заповедь – НЕ НАВРЕДИ!

— Откуль ты знаешь, какие там, в вашем свете порядки, коли появился ты на свет уже в нашем мире!

— А вот оттуль! – отпарировал дракон. – Я уже со знанием законов и порядков нашего измерения родился. И вообще, Родя, там, впереди деревня будет, Синь-камень. Название такое деревня получила действительно от камня, железистого кварцита в семьдесят тонн весом, который плоской своей стороной лежал на берегу озера и бабы на нём бельё били, колотили, полоскали. Через какое-то время вода или само озеро отступили в сторону и камень вылез на берег, а люди стали загадывать разные желания возле камня и, якобы, эти желания сбываются.

— Чепуха это всё, Василий, сказки! – отмёл Родий.

— Хорошо! Не в этом дело, давай там закажи мужикам два широких, трёхслойных ремня для своего коня, я его за эти ремни подцеплю, а ты сядешь на меня верхом и я вас обоих до самого Константинополя доставлю за каких-нибудь пять-семь часов, всё быстрее будет, не то ты на своём коне целый месяц до Византии добираться будешь.

— Чего это месяц – две недели! Ну хорошо! Договорились! Пей вот чай, да спать будем, хотя здешняя нечистая сила чего доброго и поспать-то толком не даст.

— Да всё будет нормально, Родий! – успокоил дракон. – Этот дурень леший, которого я давеча своим видом напугал, всем остальным лесным жителям наплёл, рассказал, а это первым делом боровик с женой кикиморой, китоврасы и упыри болотные, что возле родника расположился зверь невиданный, сердитый, беспокоить нельзя.

— Тако, ты же им сродник! – добродушно ухмыльнулся Родий. – Они же с тобой познакомиться захотят.

— Никакой я им не сродник! – обрезал Василий. – Они меня раньше не видели и не знали, это потом я у вас мифах и легендах появился...

*****

На следующий день, при въезде в деревню Синь-камень, уже около победья, Родий застал довольно странную, но вполне привычную картину: пьяный мужик в затасканной рубахе с кнутом гнался за молодой в слезах женщиной в расхристанном и порванном платье. Намерения его были понятны, но Домострой Ярослава Мудрого предписывал проводить не очень жёсткие наказания жены мужем в пределах своего подворья и ни в коем случае на улице, да ещё в присутствии людей посторонних и особенно детей. И хотя никого на улице не было всё равно налицо нарушение заветов Ярослава. Родий конём загородил дорогу мужику и ударом своего хлыста выбил кнут из его рук. Мужик ошалело уставился на всадника.

— Ты что сдурел?! – осадил мужика Родий. – Порядка не ведаешь, на улице руку на домочадцев не поднимать!

— Тако я тово! – заартачился, было, мужик, но под суровым взглядом вооружённого всадника осёкся.

— Веди в свой дом! – распорядился Родий и в это время ему на плечо уселся голубь Василий.

Мужика такая картина насторожила и даже напугала, он шарнирно повернулся, махнул рукой, чтоб следовали за ним. Родий тронул коня и поехал за нарушителем, возле стремени всадника, чувствуя защиту, поплелась женщина.

— Дети есть? – глухо спросил Родий, обращаясь к женщине, хотя положено интересоваться об этом у мужа. – Кличут-то тебя как?

— Есть, трое, – ответила женщина. – А зовут меня Алёной.

— Чего он на тебя взъелся, Алёна?

— Не так овсянку ему на обед сварила, – пояснила женщина.

— Тьфу, дикость! – рассердился Родий. – Да эту овсянку хоть как вари, всё одно не испортишь.

— Да ему лишь бы придраться, – уныло ответила женщина.

— Вот потому нас, славян, ромей варварами и величают! – громко, чтобы слышал и муж, шедший впереди, бросил Родий.

Во дворе, куда привёл гостя мужик, возле крепкого бревенчатого дома и разных служб, тоже из брёвен, играли с собакой трое малолетних погодков. Пёс, увидев всадника, по-хозяйски гавкнул, но под строгим взглядом мужика притих, а мальчишки с любопытством уставились на гостя, и не столько на него, а скорей на голубя, что сидел у него на плече. Родий, спрыгнув с коня, спросил:

— Тебя как зовут-то, драчун?

— Климом кличут боярин! – пришибленно ответил тот, удивлённо поглядывая на голубя, который и не подумал слететь с плеча странного всадника, когда тот спрыгивал с седла.

Жена юркнула в дом, видимо, заторопилась с обедом, скорей для гостя, чем для мужа. Родий же, разминая ноги после долгой езды, подошёл к детям, погладил их по головам, после чего, шагнув к мужику, который ждал чего-то, назидательно заговорил:

— Строптивую жену, конечно, учить надо, Клима, но у нас, на Руси, уж я-то знаю, мужья привыкли своё зло, свои неурядицы, срывать на жене и детях, а это ведь грех, и немалый.

Добро надо в свой дом нести, а не злобу, иначе и дети твои когда повзрослеют будут такими же злыми идиотами, что и их отец. Чему вас только церковь учит?

Мужик молчал, не зная, что ответить, зато голубь, что сидел на плече странного гостя, вдруг, басовито заговорил, чем поверг хозяина подворья в полнейший транс:

— А он у нас больше драться не будет, Родий! Я так пожелал и мозги его поправил. Он теперь к жене и детям только с лаской и добрым словом, а иначе того...

Мужик, окончательно обомлев, рухнул на колени перед гостем:

— Прости меня, Святой Георгий! Это я спьяну на жену накинулся! Больше такого безобразия не допущу! Прости ради Христа!

— Ладно, верю! – заговорил Родий. – А чего это ты во мне святого угодника углядел?

— Тако всадник..., обруч золотой на голове..., голубь на плече..., – прерывисто заблеял мужик, непрерывно кланяясь головой до земли.

— Поехали отсюда, Родий! – заговорил опять голубь, но на этот раз звучным тенорком. – Ты же видишь, с этим мужиком каши не сварить, он теперь до вечера не очухается. Вон в конце улицы молоток стучит, там наверняка кузнец, – вот он-то нам и сгодится.

Родий послушался дельного совета своего друга, резво вскочил в седло и выехал со двора, оставив изумлённого донельзя хозяина и мальчишек с открытыми от удивления ртами. Выехав за ворота, Родий, не поворачивая головы к голубю, сидящему у него на плече, проворчал:

— Ты бы, Василий, не заговаривал при людях, видишь же, что они пугаются, принимают нас за святых угодников, и на плече у меня при свидетелях не сидел бы, коли крылья имеешь.

— Ну, добро! – согласился голубь и вспорхнул с плеча.

*****

Кузнецы в русских сёлах и крупных деревнях – это люди сверхпочитаемые, считалось, что они доверенные лица бога Сварога, главы всех языческих богов у славян. Кузнецы на короткой ноге с сыном Сварога Огнём, а потому – кудесники, колдованцы, твердущую вещь, железо, могли как глину мять, крутить, сгибать как им хотелось и даже потом, когда христианство осудило язычество, кузнецы всё равно оставались весьма уважаемыми людьми и часто выдвигались и избирались обществом в старосты. А так как кузнецу из-за специфики своей деятельности некогда было вести приём своих граждан в съезжей избе, то люди со своими жалобами шли к нему в кузню и он в перерыве работы, а то и во время работы разбирал устные жалобы своих односельчан.

В кузнице, при открытых двустворчатых дверях, спешившийся Родий застал среднего роста, но плотного на вид, мастера с рослым парнишкой подмастерьем. Видно было, что жалобщики уже разошлись, или их вообще по покосному времени не было, а срочная работа у мастера была уже выполнена и он, отложив молотки в сторону, вытирал руки льняной тряпкой. Угли в горне уже остыли, почернели и сверху покрылись сизым налётом пепла, но чувствовалось, что внутри кучки угля, в глубине, притаился огонь, всегда готовый по желанию своего друга, ковала, очнуться и показать свою силу, свой управляемый нор. Кузнец собирался к себе в дом на обед, а потому Родий сразу завёл с ним разговор по крепёжным ремням для коня:

— Ты что, витязь, взвешивать своего коня надумал? – усмехнулся кузнец, снимая с себя прожженный в нескольких местах, толстый, из крапивной ткани, фартук.

— Тебе-то что? Может, собрался! – произнёс Родий. – Я же плачу, одного миллиарисия тебе хватит? Аще нет, тако скажи сколько надо, я уплачу.

— Да за такую плёвую работу и одной ромейской серебряной деньги хватит вполне, парень, только вот интересно, где такие весы содеяны, что коня можно взвесить?

— Ну, чего пристал с этими весами? – Скажи лучше, берёшься или нет?

— Ладно, сделаем! – бросил кузнец. – Имя моё Игнат Боня, так и называй.

— А я Родий, стольник князя Андрея!

— Кожа воловья есть, – бросил кузнец, – пошли ко мне домой, пообедаешь, коня накормим, расскажешь нам новости из Володимера, да и из других мест. Судя по тебе, тако ты человек-то бывалый, везде мотаешься, видно по твоему обличью, что ты княжий посланник.

Дом у кузнеца был рядом с кузней и Родий на его подворье первым делом напоил своего коня из большой колоды возле колодца, сложил на пустую телегу седло и походные кошель со своими пожитками. Парнишка, подручный мастера завёл коня в конюшню и, разнуздав, насыпал ему в кормушку две меры овса (5 кг.). Все трое помыли руки во дворе из бронзового рукомойника, после чего пошли в избу, где их встретил уже накрытый стол с тремя чашками горячей гречневой каши с коровьим маслом, большое, деревянное блюдо с варёной стерлядьёю и резное блюдо с толстыми пшеничными лепёшками.

— Богато живёшь, Игнат, коли гречневую кашу по будням ешь, – заметил Родий, прекрестившись, и уселся на широкую пристенную лавку.

Хозяин с подмастерьем тоже наложили на себя крестное знаменье, сели на скамью и взялись за деревянные расписные ложки. Кузнец, добродушно взглянув на Родия, сказал:

— При моей ежедневной возне с железом, Родий, да молотками тяжкими такую кашу токмо и употреблять. А ты, витязь дорогой, аще не секрет, куды направляешься-то?

— В Константинополь, Боня! – сухо бросил гость.

— В Царьград путь неблизкий, парень, – заметил кузнец, – надо бы посмотреть обувку у твоего коня.

— Можешь не беспокоиться, Боня! Позавчера, перед моим выездом новые подковы моему коню поставили, – сообщил Родий, зачерпнув ложку каши.

— Давай, аще не шибко торопишься, господин стольник, – заговорил кузнец, прожевавшись, – тако твоим делом завтра с утра займёмся, а то мне сегодня одну поковку надо закончить, откладывать нельзя. Ты располагайся тут у меня, яко у себя дома, заночуешь, отдохнёшь.

— Добро, Боня! Можно и задержаться! – согласился Родий. – что-то людей у вас в Синькамне не видно, а ведь деревня большая, на три улицы.

— Тако сенокос в разгаре, Родий! – пояснил кузнец. – И мужики, и бабы все в поле, дома токмо дети малые, да старухи.

Отобедав кузнец с подмастерьем ушли в кузню и вскоре оттуда донёсся перезвон молотков. Родий добрую часть своей каши специально оставил в чашке и, выйдя во двор, тихо позвал:

— Эй, Василий, ты где? Давай ко мне, отобедай вот гречкой!

Голубь вылетел откуда-то из-за конька избы и, усевшись на край чашки, принялся клевать кашу. Во двор вышла хозяйка, подала Родию берестяную кружку с квасом.

— Испей, гостюшко! Я гляжу голубь-то тебя совсем не боится.

— А чего ему меня бояться, матушка? Я ведь не упырь болотный!

— Да парень ты баской, таких девки зело любят! Небось женатый давно?

— Да нет, матушка, не женат, семьи не имею, – улыбнулся Родий.

— Да что же это? – искренне удивилась женщина. – Такому красавцу даже самая строптивая девка не откажет!

— Некогда мне с ними вожгаться, матушка! – пояснил Родий. – Служба у меня такая, что всё время в разъездах. А твои-то домочадцы где?

— Тако на покосе, милоч! – сообщила женщина. – И сыновья, их у нас с мужем трое, и дочки, их у нас четверо, все на покосе. Я бы тоже ушла с ними, да мужика с помощником кормить надо.

— Благодарствуй, матушка за квас! – сказал Родий, отдавая кружку хозяйке. – Добрый квас, ядрёный!

— Дело к вечеру, милоч, – заговорила женщина, – я тебе в горнице постелю.

— Нет, матушка! – отказался Родий. – По-летнему времени тако ноне я на сеновале устроюсь, вольным воздухом подышу.

Женщина поклонилась и ушла в дом, а Родий принялся чистить своего коня щётками, которые нашлись в конюшне. Наступил вечер, пришли с работы кузнец с помощником, вернулись с поля хозяйские дети, взрослые погодки, на дворе и в доме стало шумно. Родий от ужина отказался, залез на сеновал и устроился там на ночлег с голубем Василием.

— Ну, давай, Василий, рассказывай о жизни и порядках в будущих временах, – заговорил Родий, укладывая под голову подушку, переданную ему доброй хозяйкой.

— Да чего рассказывать, Родя, – заупрямился Василий. – Не нравятся мне эти ваши будущие времена: уж очень много убийств. Прямо-таки постоянно идут войны, а в бытовой жизни, вроде бы среди мирных людей так эти убийства беспрестанные, чередой идут. Да и лжи много, у них же теперь аппаратура в каждом доме, это такие устройства, через которые власти вещают своему населению всё, что захотят, обрабатывают головы, набивают сознание лживой информацией по своему усмотрению. В моём мире такого безобразия нет и в помине.

— Ты ж там не жил! – иронично усмехнулся Родий.

— Не жил, но знания мне уже вложили пока я в стайке у мельника прозябал. Спи, давай! Я тебя сейчас усыплю!

Родий почувствовал наплыв сонного состояния и почти тут же без каких-либо снов заснул, провалился в какую-то бездонную яму. Как ни странно, но в яме этой он пробыл всего несколько мгновений и открыл глаза с ощущением какой-то тревоги в груди и в голове. В открытом зеве сеновала синело, и даже уже розовело, предутреннее небо. Летние ночи коротки, рядом топтался в образе голубя дракон Василий. Родий привстал и заговорил:

— Чего-то нехорошо мне, Василий! По-моему что случилось во Владимире!

— И я чувю, Родий! – заговорил голубь. – И скажу тебе больше, друг мой, похоже князя твоего, Андрея Боголюбского, ухайдакали родственнички его. Что делать будешь? Учти, мои предчувствия более точные, чем твои.

— Так что делать, Василий? Обрато надо срочно возвращаться! – решил Родий.

Он спрыгнул с сеновала, на телеге лежали его походные кошель с посудой и запасами еды и конское седло. Ничего тут быстро не получится: коня, основное транспортное средство в любом случае, надо накормить, напоить и только тогда ехать, да и то не быстро. Было уже довольно светло и Родий, войдя в конюшню насыпал коню овса в кормушку, тот принялся деловито хрумкать, понимая, что, коли, хозяин так рано кормит его, значит придётся скакать долго. Из избы вышла хозяйка и изумлённо воскликнула:

— Ты что, Родион, никак ехать, едва зенки продрав, собрался?

— Да, матушка, отъезжаю! Спасибо за хлеб-соль.

— Да почто так рано-то!? Ещё заря вон токмо собирается полушалок свой красный вывесить.

— Что-то случилось во Владимире! Сердце подсказывает.

— Погоди, милоч, я хоша бы тебе булку хлеба, да сала шмат вынесу.

Пока Родий кормил коня, да седлал его, собирал свои перемётные сумы, рассвело настолько, что всю загорланили петухи в деревне и засуетились прежде всего хозяйки с дойкой коров и выпроваживанием скотины в стадо и на пастбище. Кузнец ещё не поднялся с постели, когда Родий выехал со двора, наказав хозяйке, чтоб передала поклон мужу от него.

*****

Отдохнувший конь шёл по наезженной дороге бодро, часто переходил с маха в галоп, Родий трижды останавливался на отдых и таким образом его конь одолел полсотни вёрст, но на большее его не хватило. Солнце палило нещадно, конь весь взмок от пота, время перевавило далеко за полдень и надо было искать место для более длительного отдыха и ночёвки. И место подвернулось позавчерашнее, где в нетронутым людьми заповедном лесу была поляна с родником.

— Ну вот тебе раз, откуда вышли, туда и вернулись! – проворчал Родий, спешиваясь возле знакомого родника.

Он снял с взмокшей от пота животины перемётные сумы, седло и пустил коня пощипать свежей лесной травки, а сам, собрав опять кучку хвороста добавил к тому сушняку, что остался ещё с прежней ночёвки, и никто из проезжающих этот сушняк не израсходовал, видимо, ночевать здесь, почему-то, никому не хотелось. Родий же развёл костерок и на свой же прежний таган подвесил котелок с водой для чая. Голубь же, спикировав вниз к костру, обратил себя опять в дракона и, развалившись на прежнем месте, дождался, когда Родий приготовит чай. От приличного ломтя хлеба с пластиной сала отказался, а, молча попив чай из берестяной кружки, вдруг, предложил:

— Слушай, Родий, давай я летаю в Боголюбово! Всё разужнаю и тебе сообщу. Ты на коне-то когда ещё туда доберёшься.

— Да я уж догадался, Василий, что случилось непоправимое. Я же накануне предупредил князя. Мне в любом случае надо быть во Владимире: ты же знаешь, обязательно начнётся междоусобие, делёжка власти у братьев князя Андрея, народ взбаламутят, всякие безобразия будут. Я должен там быть. Ну, а ты, что ж, слетай, пока, а я уж тут ночую, у меня быстрее всё одно не получится, не могу же я коня загнать, такого умницу и строевого работягу ещё поискать надо.

Василий перевёл форму дракона в форму голубя и улетел, а Родий, сидя на своей походной кошме возле костерка, задумался, и времени прошло немало. Солнце, где-то за лесной чащей на западе всё ещё висело в зелёном уже, вечернем небе над сине-палевым горизонтом и освещало усталыми оранжевыми лучами только острые верхушки мрачных елей и мягко-круглые кроны сосен, внизу же, ближе к земле, сгустились сумерки, стало прохладно и появились вездесущие комары.

Со стороны дороги послышался шум и топот не одной пары ног. Вот поляну с родником окружило с десятков бородатых мужиков, вооружённых рогатинами, дротиками и боевыми топориками. Один из бородачей выступил на полшага вперёд и нагло заявил:

— Деньгу добровольно отдашь, гонец, или из тебя вытряхивать?

Родий встал, лесные братья воинственно выставили перед собой рогатины и дротики.

— Мужики! Чего пристали? Идите отсюда по-хорошему! Вам со мной всё равно не совладать.

— Чаво-о! – взвыл предводитель. – Да мы тя...

Больше он ничего не успел сказать, потому как Родий выдернул меч из ножен, который, подарила ему бабка Анна, ещё неделю назад, и, который, сейчас, почему-то, вспыхнул как полная луна, и ослепил ватагу разбойников. Мужики взвыли и бросились в разные стороны, налетая друг на друга, падая, ломая кусты верболозы и теряя на ходу своё оружие. Предводитель ватаги, тоже кинулся прочь, упал, и, поднявшись, встал на колени, истово, чего давно уж не делал, перекрестился и возопил:

— Архистратиг небесный! Ей Бо, Архангел Михаил!

После чего вскочил и, сломя голову, кинулся в густой лесной подшёрсток, в наступившей темноте слышался только треск ломаемых сучьев и дикие вскрики перепуганных донельзя «джентльменом удачи». Родий усмехнулся, плюнул вслед разбойникам и уселся на прежнее место. Подкинув сушняка в костёр, Родий подогрел остывший чай, зачерпнул кружку и принялся медленно пить лесной напиток, замороженно глядя на сине-оранжевые косынки огня, плясавшие над кучей раскалённых, красно-белых углей. Сидя так, Родий не заметил как уснул, положив руки на колени и проснулся от возгласа:

— Чего сидя-то спать? Лёг бы уж на кошму-то!

Родий, встрепенувшись, открыл глаза, рядом сидел голубь. Вот он на глазах вырос в дракона и, взяв кружку, зачерпнул из котелка чай. Выпил почти залпом и рассказал:

— Князя твоего, Андрея Боголюбского, Родий, действительно убили его же родственники по жене Улите. Это Кучковичи, а верховодил ими хороший твой знакомый, ключник Анбал Ясин. Заговорщики сейчас пьянствуют в городе и даже не скрываются, считают, что доброе дело сотворили, мол, людей владимирских освободили от тирана, хотя известно, что тираном князь Андрей никогда не был, и, наоборот, именно при Боголюбском народ вздохнул свободно, жил в мире более двадцати лет и никто людей не обдирал, не мучил поборами.

— Что ещё-то? – угрюмо бросил Родий.

— Тело князя слуга его, Кузьма Киянин перенёс на паперть собора Боголюбской иконы Божьей Матери. А тут приехал с помощниками из Владимира настоятель Успенского собора преподобный Феодул и тело князя увёз в город. Ну, а я уж полетел сюда.

В прогалах крон сосен небо уже из светло-синего становилось розовым от разлившейся за лесом с восточной стороны утренней красавицы-зари. Лесная трава вокруг стала мокрой от росы, что предвещало погожий жаркий день. Невдалеке всхрапнул конь и Родий засуетился.

— Ехать надо, Василий! – бросил он, седлая коня.

*****

Семён Боняк из гарнизонной дружины был надвратником южных ворот, что как раз выходили к реке Клязьме. Он заступил на дежурство с утра и смена его заканчивалась вечером. Уже давно прошло победье и Семён сидел у себя в воротной будке и от скуки сам с собой играл в кости, передвигая согласным очкам фигуры животных по игровой доске. Ближе к победью на реку с корзинами полными белья пришли две молодые женщины. Они принялись стирать и полоскать бельё, громкими и весёлыми голосами озвучивая своё житьё-бытьё.

Семён почти всех граждан, что ходили через его ворота знал, можно сказать, досконально: кого как зовут, кто чем дышит, у кого сколько детей и даже как их зовут, а ещё воротной сторож знал даже кто кому рога наставляет. Вот и в этот раз он, при упоминании имён мужей этих красавиц, что устроили стирку чуть ли не у самых ворот, наострил уши и бросил игру в кости. Вот молодухи, то ли забыли про воротного сторожа, то ли, наоборот, назло ему, задрали юбки и давай показывать друг другу свои пухлые задницы, на которых виднелось ровно по одной розовой полосе от удара ремнём. Красавицы на чём свет стоял ругали своих мужей и, мол, что они не заслужили такого с ними обращения.

Семён с удовольствием обозревал женские выпуклости, но тут спектакль принял совсем другой оборот: через открытые ворота прибежала восьмилетняя дочка одной из молодух с криком: «Мама, мама! Что в городе-то детсяя! Князя нашего Андрея убили и отец Феодул его из Боголюбова привёз в Успенский собор, а его брательника, князя Михайлу, на телеге привезли всего израненного и больного, дружина княжеска в город возвращается через северные ворота.

Девчонка все эти новости выпалила одним духом и уткнулась в подол материной юбки. Тревога тут же поселилась в селезёнке у Семёна и начала переселяться выше. Воротной страж вскочил с твёрдым намерением закрыть ворота. Женщины быстро побросав мокрое бельё в корзины, направились в ворота, а Семён, прикрывая одну из створок не утерпел высказать молодухам укоризну:

— Эх вы! Что вы со своими мужиками вытворяете, тако я бы вас не так выпорол!

— А как, дядя Семён? – с хохотом поинтересовалась одна из молодух, игриво взглянув на смутившегося мужика.

— Проходите! Не то закрою вот ворота и будете ночевать на берегу, мужики ваши вас утром уж точно вожжами отходят. Мало ли где и с кем вы ночевали?

— Ну ты же подтвердишь, что мы тут были? – похохатывала молодка.

— Ничего я подтверждать не буду, Анна! Да мне ваши мужики и не поверят, а потом ночью-то не моя смена будет.

Женщины с девчонкой ушли, а Семён, заперев на всякий случай ворота, влез на верхотуру воротной башни и стал прислушиваться к шуму в городе, который вскоре из ровного,

повседневного, превратился в тревожный, город стал походить на улей, где растревожили пчёл. В воротную створку давно уж кто-то нетерпеливо колотился и Семён, приговаривая: «Кого там черти принесли, да ещё в тако время беспокойно?». Он посмотрел в дверной глазок, увидел какого-то витязя и насторожённо спросил:

— А ты кто таков?

— Слушай, Семён! Разуи буркало-то! Что не узнал?

— Тако ты морду-то поверни, яко положено ко мне! – грубил недовольный страж ворот.

— Я те сейчас поверну, мало не покажется! – шумел за воротами приезжий.

— А-а, стольник Родий Урс! – узнал, наконец, сторож. – Ну, тако бы и сказывал.

Семён створку приоткрыл, пропустил Родия с его конём и поспешно закрыл снова.

— Чего так долго не открывал? – ворчал Родий.

— Тако у нас в городе чёрт те что творится, господин стольник! Князей наших поубивали, князя Андрея до смерти, а князя Михайлу не совсем, жив ещё. Седни через северные ворота привезли, ещё до победы. Народ психует, волнуется, справедливости требует.

— Ладно, сейчас всё узнаем! – сказал Родий, садясь в седло.

*****

Князя Михаила Юрьевича Родий застал в великокняжеском доме в постели. Князь, увидев, показавшегося Родия, позвал:

— Проходи, Родий, проходи! Ты сейчас здесь край как нужон! Что случилось, ты уже ведаешь?

— Да вот с полдороги вернулся, княже!

— Куды ехал-то?

— Тако ехал в Константинополь, к императору Мануилу с поручением и письмом князя Боголюбского.

— Ладно, Родя! Волю брата исполнишь посла. Сейчас, сам видишь, суматоха велика, ты здесь пока побудь, помоги с ворогами-заговорщиками разобраться.

Родий отлично понимал: события во Владимирской земле набирают привычные для людей негативные обороты, обращая свою поступательную динамику в трагизм с далеко идущими последствиями как для простых людей, так и для власть имущих. Подданные покойного великого князя Андрея Боголюбского как и следовало ожидать разделились в своих пристрастиях: одним хотелось иметь государями мальчишек Ярополка и Мстислава, другим – младших братьев Боголюбского, князей Михаила и Всеволода.

Князь Глеб Рязанский, женатый на сестре мальчишек, прилагал все усилия, чтобы были выбраны народом именно они. Братья всегда жили в доме его, и потому он был уверен, и надеялся, что по молодости их, будет иметь много, очень много власти во Владимиро-Суздальском княжестве. Старания князя Рязанского, хотя и ненадолго, имели успех: Ярополк и Мстислав были избраны, но при этом Владимиро-Суздальское княжество, вопреки воле Боголюбского, разделилось на два: Владимирское и Ростовское. В первом стал княжить Ярополк, а во втором – Мстислав, рязанский князь этого и хотел.

Владимирцы вскоре убедились, что по сути ими управляет, присваивая налоги и сборы, ни кто иной как князь Глеб Рязанский. По соглашению с ростовцами, владимирцы и призвали на великое княжение, согласно Лествичному праву, брата погибшего князя Андрея Боголюбского, Михаила Юрьевича (Георгиевича). Послы владимирцев привезли князю Михаилу в Чернигов грамоту со словами: «Ты внук Мономахов и старший из оставшихся князей его рода. Иди на престол Боголюбского».

Князь Михаил хоть и был болен, но согласился и прибыл во Владимир вместе с младшим братом Всеволодом. Объединённая дружина Ярополка Мстислава была быстро разгромлена князем Всеволодом, а молодые князья были со столов властных изгнаны.

Михаил вернул все деньги, взятые людьми Ярополка из церквей, и выгнал чужих бояр, обижавших и притеснявших народ владимирский. Глеб Рязанский повинился пред Михаилом и вернул всё, что награл в Владимире, а главное, вернул святыню, икону Богоматери с младенцем Христом. Михаил, видя как народ владимирский с радостью встречает святую Заступницу свою, простил рязанского князя. Хотя, может, и зря.

Рязанский Глеб с молодости усвоил основное политическое правило: разделяй и властвуй, натравляй одних на других, сей всяческую рознь меж людьми и извлекай из этого выгоду для себя родимого. И, несмотря на то, что такая политика иногда давала сбои, князь Глеб неукоснительно ей следовал. Изуверское правило это въелось в его душу, сформировало гадкий характер и стало стержнем его поведения.

Вот такие, как князь Глеб, всегда были закваской для междоусобий на Руси, в то время как край нужно было единение. Такие глебы были носителями всяческого зла в обществе, потому как им начинают подражать другие, и, убедившись в каком-либо успехе, эти другие, думают, что так и надо жить. Они уверяют себя в правильности избранной ими линии поведения и неважно сознательно или нет они так поступают.

В этот раз князь Глеб отступил, но это не было поражением для него. Он был убеждён, что со временем он вернёт своё. Отступление – это всего лишь стратегия, один из важных элементов маневра, веха, этап, после которого следует тщательно продуманное наступление. Такие гибкие глебы действуют целенаправленно, не понимая, а чаще, наоборот, отлично понимая, что своей гнилой политикой наносят подчас непоправимый вред как отдельным людям, так и обществу в целом.

К тому же эти глебы всегда стараются прикрыться идеологически выверенными постулатами вроде заботы о благе народа и вроде бы желания объединить Русь в единый кулак, преследуя, между тем, свои, корыстные цели. Но глебы эти часто забывают, что в обществе всегда находятся их антиподы, активные люди, которые раскрывают глаза зашоренному народу на лживость, несоответствие заявлений этих Глебов с одной стороны и их деяний с другой. В данном случае рязанский князь Глеб на время затаился.

На следующий день после того как икону Богоматери доставили обратно во Владимир, в собор названный её именем, князь Михаил вызвал к себе воеводу Твердислава. Михаил полулежал на подушках в одной из светлиц терема, построенного ещё старшим братом Андреем, лицо его было бледным с нездоровой желтизной, но в глазах засветилась твёрдость, когда пред ним предстал владимирский воевода. Тут же в светлице находился и стольник Родий.

— Вот что, Твердислав! – заговорил князь мягким, слабым голосом. – Теперь святыня наша дома, слава те Господи народ ликует. Но вот многие, – он взглянул на Родия, – укоризну мне высказали: мол, пошто не отмстишь за брата своего, Андрея, предательски убиенного своими же ворами и татями? А сколь по их вине людей невинных погибло в смуте ими учинённой? И это всё случилось в то время покуда ты, Твердислав, где-то там по полям игрища ратные устраивал, сердце своё тешил, душу ублажал.

— Да ведь князь Боголюбский тако распорядился! – начал оправдываться воевода. – Я волю твоего брата сполнял!

— Ладно, Твердислав, коли не уберёг ты брата моего и своего государя, и люди его, – продолжил Михаил, – укоризна эта пушай на твоей совести будет. Видит Бог, я-то ничегошеньки не ведал, вдалеке, в Чернигове-граде, в немощи обретаюсь. Но говорю тебе, воевода, ведая нрав твой зело крутой, велю тебе зачинщиков смуты той, заговорщиков и погромщиков тех, поскорей словить, да в подвал клетки башни Весты водворить. Пушай народ володимерской решает на вече, яко с энтими ворами поступить. Завтрева мне после обедни доложишь. Уразумел ли?

— Уразумел, батюшко! – басовито прогудел воевода. – Уразумел, государь! Волю твою сполню, яко подобает!

Твердислав низко поклонился князю, осторожно взглянул на Родия, стоящего возле постели больного князя. Он чувствовал себя виноватым и страстно горел желанием немедленно выполнить волю брата Боголюбского.

В воеводской избе, явившимся двум тысячникам, Твердислав первым делом не просто приказал, а аж прорычал:

— Вот что, робятки! Чтоб сейчас же, немедля, всех мне заговорщиков и смутьянов, виновных в смерти насильственной князя Боголюбского, словить, и в башню Весту заточить! Прежде всего ключника Анбала Ясина, казначея Акима со товарищи из Боголюбова вынуть! Тако великий князь Михайла повелел! Сполнять торопко, без промедленья!

Оба тысячника в дружине великого князя издавна прослыли в народе такими зверюгами, каких ещё поискать, и имена-то свои имели под стать своей натуре: одного звали Волком, другого – Вороном. Воевода Твердислав, зная о грубости и жестокости своих подчинённых, не сомневался, что заговорщики будут схвачены все. Знал воевода, что эти помощнички, как кабаны лесные, всю землю владимирскую изроют и воров найдут.

Свирепость Волка и Ворона вскоре почувствовали на своей шкуре даже те, кто и не принимал участие в заговоре, но что-то нелестное о князе Боголюбском, где-то там высказал, да что-то вроде как о заговоре краем уха слышал, а значит виноват уже за недоносительство. Люди тысячников, под шумок, выдернули из домов даже тех, кто в какой-то мере был не очень-то доволен правлением покойного Боголюбского.

Бывшие друзья и ближайшие помощники князя Андрея, казначей Аким Кучка и ключник Анбал Ясин вовсе и не думали скрываться, рассчитывая на мягкий характер князя Михаила, и даже надеялись на благодарность с его стороны за то, что они «расчистили» ему великокняжеский стол во Владимире. Но, как говорится, не тут-то было! Избитые до полусмерти, до неузнаваемости, с вырванными бородами, в порванной и окровавленной одежде, главные зачинщики смуты оказались в сыром и тёмном подклете башни Весты среди более чем трёх десятков остальных заговорщиков.

Утром следующего дня Волк с Вороном явились с докладом о проделанной, грязной работе пред грозные очи воеводы Твердислава.

— Всех воров пымали?! – воевода поворачивал выпуклыми глазами и проницательно посмотрел на своих помощников. – А наворованное ими где?!

— Всё, батюшко, сполнено, яко ты давеча наказывал! – ответил Волк. – Вору-заговорщики в башне, имущество ихнее: злато-серебро, посуда дорогая, шубы парчой крытые, иные ценности в дружинном амбаре сложены и под надёжной охраной.

Расторопный Волк умолчал о том, что дружинники его даже жён с дочерьми арестованных мужей не пожалели: обобрали до нитки, выдернув заодно из ушей дорогие, золотые подвески, содрав с шей и кокошников жемчуга и драгоценные камни, а с плеч brave дружинники сняли у несчастных женщин соболей, норок и горностаев. Одним словом, оставили баб арестованных в одном исподнем.

Вообще-то такой беспредел в отношении женщин осуждался обществом. За свои преступления мужья и старшие сыновья отвечали головой, но женщин и детей обычно не обижали, таков уж был древний покон отцов и дедов. Но тысячники Волк с Вороном знали, горожане были недовольны мягкостью князя Михаила и их подчинённые подсознательно чувствовали, что им всё сойдёт с рук.

Большая часть женского добра, как и можно было ожидать, досталась тысячникам, но немало перепало и рядовым исполнителям, которые в подобных случаях не стеснялись набивать свои карманы, благо, что проверять их никто бы и не подумал...

Глава 4. НАКАЗАНИЕ, КОТОРОЕ ПОТРАЯСЛО МИР

Через два дня воевода Твердислав после победы навел на больного князя Михаила, и, между прочим, поинтересовался о дальнейшей судьбе арестованных заговорщиков. Князь ответил просто, что пусть судьбу воров решает народ. Воевода, вернувшись в штабную избу, застал там стольника Родия и своих тысячников Волка с Вороном. Посверлив глазами своих подчинённых, и, взглянув на Родия, Твердислав рыкнул:

— Ну, пошли, глянем на этих весельчаков!

Прихватив ключника Козьму, воевода Твердислав со своими тысячниками и Родиём отправились в башню Веста. Встречные горожане низко кланялись суровому воеводе, все в городе уже знали об аресте заговорщиков и водворении их в мокрые подклети башни Веста. Увидев Твердислава, и, хорошо зная его крутой нрав, стража возле башни вытянулась по стойке смирно. Зажгли масляные светильники и ключник Козьма отпёр тяжёлую, окованную железом дверь в подклеть башни.

Оттуда, словно из норы с нечистотами, пахло сыростью, вонью и могильным холодом, да оно и понятно: башня стояла почти рядом с рекой. Шаги людей, спускавшихся по осклизлым, каменным ступеням, слились в одну тяжёлую, грозную, гулкую поступь. Светильники в руках ключника и тысячников временами замирали, словно какая-то нечистая сила дула на них снизу как из преисподней. Сырой камень сводов и стен был покрыт плесенью и поверх неё сочилась вода, из глубины подземелья шёл тяжёлый воздух. У сопровождавших стражников стало как-то тяжело на сердце.

Под сапогами пришедших захлюпала вода, и с каменных ступеней со звуком падающих в стоячую, вонючую воду, прыгнули, подняв брызги, чёрные, здоровенные жабы, а ещё из – под ног в стороны, с недовольным визгом, рванули крысы размером с кабана и красными глазами, источавшими ненависть. Ключник открыл ещё одну дверь с пудовым замком и люди зашли внутрь подклети на каменный помост со ступенями ведущими вниз.

— Може в этом подземелье есть ещё какой ни то ход, щель? – нарушил общее молчание воевода. – Аль лаз?

— Ни лаза, ни щели! – сообщил тысячник Ворон.

— А проверяли надёжные люди?

— И усердные, воевода!

— А кто?

— Да вот эти воры, воевода! – начал подобострастно рассказывать подробности Ворон. – Мы их егда сюды засадили, я им сказал: «Ну, разбойники, убивцы государя, казнокрады и христопродавцы, кто ведаёт о вине своей, ищите здесь дыру, другого выхода не ищите! Гнить вам здесь вечно!». Тако оне, господин воевода, всё тута обшарили, всю воду под ногами истоптали, она тута нигде ниже пояса не стоит, из земли натекла, река-то Клязьма близёхонько. А за тутошной водой стена из камню башенного. Истоиво, батюшко, искали всяку щель, усерднее тараканов.

— Ну, ин ладно! – одобрительно буркнул воевода.

Когда тусклые свечи осветили дверной проём, узники, отвыкшие за двое суток пребывания в мокром подземелье подклети от всякого света, застыли, стоя почти по пояс в тухлой воде. Язычки огня свечей показались им нестерпимо яркими. Зажмурившись, они поначалу привыкали к скудному свету, ещё не видя толком, что на порог вступил сам грозный владимирский воевода, но уже нутром чуя, что близится неотвратимое решение их участи. Твердислав заговорил, и это ожгло их сильнее кнута палача:

— Все здесь?

Они подавленно молчали. Он заговорил в раздумье:

— У меня тако и заведено: кто посягнет на живот государя моего, хоша бы и в мыслях, на людей его, аль на имущество его, тот на том и сгинет!

Кто-то застонал, запричитал в потёмках. Слово «сгинет» не предвещало помилования. Их лица всплывали из тьмы, белые, оробевшие, искательные, обрюзгшие, с рваными бородами, и снова пропадали во тьме. А он стоял над ними, на пороге и жёстко смотрел на участников преступных дел и развлечений за счёт уворованной казны великого князя.

— Все здесь? – повторил он жёстким, словно хлыст голосом. – Може забыли кого? Кто ещё проливал кровь Боголюбского? Кто ликовал с вами? Говорите, хриstopродавцы!

Но им казалось, что собрано здесь даже вдвое больше людей, в какой-то мере принимавших участие в заговоре. Они все тут нашли друг друга.

— Молчите! – огрел словом воевода.

Тогда бывший казначей Анбал Ясин на отёкших, больных ногах, булькая тухлой водой, с трудом выдвинулся из толпы вперёд. Лицо его в засохших кровоподтёках, с выдранной местами бородой, выглядело как-то жалко и заискивающе. Он сипло заговорил и дрожащий голос его больше походил на замогильный:

— Болеем, простужаемся тута, воевода!

— Я не лекарь!

— Батюшко! – сипло взвыл Анбал Ясин. – Мы тута в ничтожестве, в сраме, во тьме и в слякоти пребываем! Каемся, сокрушаемся об убиенном князе Андрее. Ото всего сердца, отец, молим тебя: прими в свою руку рукояти мечей наших и великую верность тебе великому князю Михаилу...

— Ишь ты! Речист! – презрительно бросил Твердислав.

Светильник дрогнул в руке Ворона, пытавшегося скрыть свой тайный смех.

Воевода недовольно скосил глаза на Ворона.

— Истинно, батюшко, речист! – заговорил Ворон. – За красноречие и был назначен князем Боголюбским казной его заведовать, да и на пирах энто завидная доблесть.

Воевода кивнул в белеющее внизу лицо Анбала:

— Сперва спытаю остроту ваших мечей на ваших жирных и нечестивых шеях!

Не слушая мольб и просящих возгласов, воевода отвернулся и пошёл из вонючей подклети наверх. Родий, шагнувший вслед за Твердиславом, услышал как тысячник Волк прорычал напоследок:

— Проклятые хриstopродавцы! Мой воевода, дружина володимирска, да и я грешный с Вороном вот, Глебу Рязанскому и княжёнку, отроку Ярополку, яко вы, сучье племя, не присягали! Едино крест целовали токмо князю Андрею, да вот князю Михайле, брату Боголюбского...

*****

На большой площади возле Золотых ворот, утром, на пронзительный зов дружинных труб, собрался разношёрстный, городской люд. В основном здесь собрались ремесленники с семи главных концов Владимира и торговцы мелким товаром. Все они, конечно, знали зачем их собрали, но ожидали подробностей по делу об убийстве князя Андрея Боголюбского. Воевода Твердислав со своими ретивыми помощниками Волком и Вороном стоял на телеге и мрачно рассматривал толпу горожан. Рядом с ним находился и Родий, а друг его, дракоша Василий, как обычно в теле голубя сидел на коньке крыши одного из ближайших домов и прислушивался, о чём говорят в народе. Тысячник Волк зычно крикнул в толпу:

— Ведаете ли, для чего вас тута собрали?

— Возвещай, Волк! – крикнул кто-то из стоящих поблизости. – Про узников, что в башне заключены, вестимо нам!

— Ну, а, коли, вестимо вам, тако речи долгие орать вам тута не буду. Воры и корыстолюбцы, убивцы великого князя Андрея, по воле брата Боголюбского князя Михайлы, нами

словлены! И желательно ведать нам, яко прикажете вы, люди володимирски и другие тож, поступить с ворами энтими? Реките – изрубить их, яко капусту, повесить, утопить, спалить на костре, аль высушить, да стереть в порошок?

— Повесить хриstopродавцев! – сразу раздались голоса.

— Вешают бешеных собак, да простолюдинов, а оне боярского роду! – возразил кто-то из бондарей. – Не можно!

— Отсечь главы их непутёвые, да и вся недолга! – заговорил дребезжащим голосом старый рыбак Иван Каряка, что стоял рядом с телегой.

— Ишь ты, якой добрый! – вскинулся шорник Степан Корень, по прозвищу Драная кожа. – Шибко велика честь! Энта казнь токмо князьям позволительна, аль не знал?

— Тако Аким-то Кучка боярского же рода! То всем известно, он Степану Кучке, которого великий князь Долгорукой за непослушание повесил, младшим брательником приходился! – крикнул кто-то настолько явственно, что слышали многие.

— А козёл-от шелудивый, Анбал Ясин, из грязи князем Андреем был взят в свиту свою, из праха возвеличен! Вот и пригрел Боголюбский змеюку на свою буйну головушку! – звонко заметил некто из толпы.

Люди, услышав такое мнение, сразу же дружно согласились.

Из толпы собравшихся, от Кузнечного конца выступил городской коваль Василий Зима. Большинство собравшихся знали его как человека солидного рассудительного, имевшего немалую семью. Для большей убедительности кузнец, взмахнув рукой, крикнул:

— Чего тута долго рядить, да рассусоливать! Делать вам больше, яко я погляжу, нечего. Камень на шею, подлецам да и в воду! Вон хоша бы и в озеро Светлое, что за городской стеной!

Но нашлись и такие, кто был против:

— Да-а-а! – овечьим голосом заблеял старый рыбак Каряка. – Неможно сие! Я тамо рыбку ловлю! Сами ведаете: тамо лещи, голавли, да щуки просто толпами ходют! Пошто озеро поганить, люди добрые? Друго место поискать надобно!

— Ништо! Небось, твои лещи и щуки вмиг отъедятся на боярском мясе, нагуляют бока-то, станут, что твои кабаны и тебя, хрыча старого, с лодки-то и сдёрнут! – захохотали в толпе.

— А кто ж егда вас рыбой-то кормить будет, охальники?! – тут же не замедлил отпарировать старый Каряка. – Неужто поганую жрать будете? Срамники!

— Хватит! – заорал тысячник Волк. – Чего гогочете, словно некормлены гуси на подворье?! Тута дело сурьёзное, а им хаханьки! Ишь развеселились! Дело глагольте, коли вы гражданае града Мономахова!

— Утопи-ить!!! – выдохнула площадь.

— Всё люди! Вот тако мы и порешим! До завтрава! – гаркнул Волк и спрыгнул с телеги.

Воевода и остальные, кто был на телеге, последовали за ним. Народ медленно расходился, обсуждая текущие, в общем далеко нерадостные события в стольном городе Владимиро-Суздальского княжества.

*****

У Родия во Владимире своего дома не было, потому как своей семьи до сих пор не создал, так и строиться ни к чему, да и из-за постоянных разъездов всё как-то было некогда. В родительском доме жила большая семья старшего брата Светозара, но по приезде во Владимир, Родий заходил к брату только в гости, а для временного житья в столице он всегда останавливался у одной вдовы. Имя у вдовы – Мария Левкратовна Василькова, она была гречанкой и женой князя Василько, младшего, сводного брата Андрея Боголюбского. Мария была родом из Византии и отец её, протосикрит империи Левкрат Дука, заведовал секретным отделом в правительстве императора Мануила I Комнина. Свекровью Марии была византийская принцесса Елена, вторая жена князя Юрия Владимировича Долгорукого. Невестка Мария Левкратовна,

сама гречанка, всегда тяготела к Византии, и была рада заграничным подаркам Родия, который успел уже дважды побывать в Константинополе.

Терем у Марии Васильковой большой, на высоком каменном фундаменте, пятикомнатный, если не считать обширной кухни с огромной печью. Муж, князь Василько Юрьевич, умер в 1161 г. и кроме византийской жены у него никого не было, детей так и не нажили. Князь Андрей, предложил, было, через год после кончины Василько, вдове Марии жениха, одного боярского сына, молодого сотника из своей дружины, да только та отказалась, то ли не по чину, то ли просто не понравился. Родий особо-то и не интересовался.

Терем, а проще говоря большую, дубовую избу, для Марии построил старший брат Василько, князь Андрей. Кроме большого дома были и хозяйственные службы: клуни с разными соленьями, коровник с двумя коровами и лошадьё, курятник со стаей кур и гусей; был и огородик. Всем этим хозяйством заправляли конюх Егор, да две служанки: половчанка Айгуль и местная тётка Дора, которая два раза в неделю пекла немного хлеба и готовила еду для княгини и для себя с половчанкой и конюхом. А теперь вот приехал Родий и тётка Дора увеличила объём еды, да ещё к коровам и лошади прибавился строевой конь постояльца, которому тоже овса и сена подавай, да ещё за ним убирай.

Служанки в хлопотах по хозяйству и не заметили, что к стайке голубей, которые давно прижились на подворье у княгини-вдовы и кормились возле кур и гусей, прибавился ещё один. Хотя можно было бы и заметить, потому как этот голубь не клевал зерновую смесь, что бросали курам, не ухаживал за голубицами, не крутился возле них и не ворковал, не курлыкал, а вёл себя степенно, чинно и независимо, и чаще сидел под стрехой крыши коровника, прислушиваясь к разговорам на улице и во дворе.

После известного сорища на площади возле Золотых ворот, где горожане решали судьбу заговорщиков, Родий вернулся в дом вдовы и, присев на нижнюю ступеньку крыльца, не успел даже задуматься, потому как к нему слетел голубь Василий и заговорил:

— Ты в Византию-то собираешься, или как?

— Да уж пусть великий князь Михаил Георгиевич (Юрьевич) решает, – ответил Родий, выпрямив спину.

И надо же было тому случиться, что разговор этот услышала хозяйка, княгиня Мария, которая по-летнему времени была в вязаных чувках, а потому неслышно подошла сзади.

— Ты с кем это разговариваешь, Родий? – спросила удивлённая княгиня.

— Да так, сам с собой! – смутился Родий.

— Тако вопрос-то задал тебе вот этот голубь, что возле тебя примостился.

— Да это тебе показалось, Мария Левкратовна, – выпутывался Родий.

— Мне хоть и тридцать четыре года стукнуло весной, но я ещё из ума не выжила, Родий, – назидательно заметила вдова.

— Ну говорящий голубь! Ну, что из того? Это я его языку нашему обучил, он меня везде сопровождает.

Женщина присела рядом с Родиём, а голубь переместился к нему на плечо и даже как-то лукаво подмигнул обомлевшей княгине.

— Чего решили на сходе-то, Родий? – спросила она, отворачиваясь от игривого голубя.

— А чего? Решили утопить всех в озере, да и всё тут! – коротко сообщил Родий.

— Что сдурели!?! – заметила княгиня. – Озеро чистое, Светлым называется.

— Да мне-то что? – небрежно бросил Родий. – Народ так решил! А князь Михайла сказал – как народ на вече решит, тако пусть и будет. Пойдёшь посмотреть-то?

— Вот токмо этого мне и не хватало, – пренебрежительно ответила княгиня.

— Князь Андрей твоя ведь родня, – заметил Родий, – вот и посмотри, яко наказали обидчиков его, считай они твои кровники, и тебя, пусть косвенно, тоже обидели.

— Не могу я, Родя, – заговорила вдова по-гречески, – смотреть на все эти казни. Я ведь предупреждала Андрея, что Кучковичи ему не родня и нечего их приближать к себе. Не послушал совета, что ж, на то Божья воля. А потом, не женское это дело смотреть как Божье творенье люди превращают в прах.

— Завтра Перунов день, – усмехнулся Родий, – и для него очень уж жертва хороша, почти тридцать негодяев возьмёт.

— Ну, язычники-то в городе, может, и рады, а так, знай, завтра день Первоверховных святых Петра и Павла, – назидательно заметила княгиня. – Эти святые угодники, а в первую очередь сам Христос учили нас грешных великому чувству любви. Ты, Родя, не понимаешь, хотя уж и не молод, но я тебе так скажу, что любовь – это высшее проявление человечности и даётся человеку свыше. Смотри, младень, не путай низменный секс с высшим чувством любви.

— Сцио мэ нихиль сцирэ! (Я знаю, что ничего не знаю!) – заговорил на латыни Родий. – Может ты и права, – добавил он по-гречески.

— У меня есть опыт, Родя, которого у тебя нет, – задумчиво, по-гречески произнесла Мария. – Хотя я вышла за князя Василько вовсе не по любви. Жена князя Георгия (Юрия Долгорукого) Елена взяла силу над русским мужем своим, она ведь была дочерью византийского императора Иоанна П Комнина – вот и повелела она в тысяча сто пятьдесят пятом году меня, дочь Левкрата Иеронима Дуки, который был и есть протосикрит в правительстве императора, привезти на Русь и выдала меня, пятнадцатилетнюю девчонку, замуж за сына своего, князя Поросского Василько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.